

Михаил СЕБАСТИАН

ИГРА В КАНИКУЛЫ

МОСКВА

1971 г.

72-8
1534

Михаил СЕБАСТИАН

И Г Р А В К А Н И К У Л ы

Комедия в трех действиях

Перевод с румынского и
сценическая редакция
ЮЛИУ ЭДЛИСА

Пьеса отредактирована и направлена
для распространения Управлением
театров Министерства культуры СССР
Ответственный редактор В.ЦИРНЮК

ОТДЕЛ РАСПРОСТРАНЕНИЯ
драматических произведений ВУОАП
Москва, Ж-17, Лаврушинский пер., 17

- 1971 -

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Б О Г О Ю

ШТЕФАН ВАЛЕРИУ

МАДАМ ВИНТИЛА

ОТСТАВНОЙ МАЙОР

К О Р И Н А

Ж Е Ф

А Г Н Е Ш

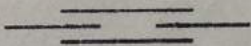
ТЕЛЕФОННЫЙ ТЕХНИК

М У Ж

ЕГО ЖЕНА

- отпускники

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Пансионат высоко в горах, посреди леса.

На втором плане - просторная гостиная, которая переходит - на первом плане - в открытую террасу. В глубине, в правом углу, деревянная винтовая лестница ведет на второй этаж, где расположены комнаты постояльцев. Гостиная, отделенная от террасы двустворчатыми стеклянными дверями, обставлена незатейливой белой плетеной мебелью. Господствующие тона - белый и темно-зеленый - создадут ощущение полнейшего покоя и легкости.

На террасе - неубранные с вечера два шезлонга. В левом ее углу, на стене, висит черная школьная доска с мелом и губкой. Рядом с доской - барометр и градусник. На доске еще можно прочесть полусмытую ночной сыростью вчерашнюю надпись: "Среда, 4 августа. Атмосферное давление 762 мм. Температура 18 гр. Ветер северный. Небольшая облачность".

Некоторое время сцена пуста. Затем изнутри, из гостиной, БОГОЮ распахивает настежь дверь, и теперь гостиная и терраса как бы образуют одно целое.

В гостиной, на плетеном столике, стоит разобранный радиоприемник, на этажерке - телефонный аппарат старинной системы, с ручкой.

БОГОЮ выходит на террасу с еще слипшимися со сна глазами. На нем домашний халат, несколько коротковатый, так что из-под него видны, пониже колен, поросшие волосами ноги.

БОГОЮ /наткнувшись на один из шезлонгов/. Опять!..
/Поцокал языком от возмущения./ Те-те-те... /Дотронулся до

сиденья рукой./ Опять не убрали на ночь!.. Намокли... намокли, хоть выжимай... /Подшел к доске, изучает чрезвычайно внимательно градусник и барометр. Затем, стерев губкой прежнюю запись, пишер на доске каллиграфически округлым почерком./ "Давление 763 мм. Двадцать два градуса. Без осадков".

/По винтовой лестнице спускается в гостиную ШТЕФАН. Под лестницей прислонен к стене еще один шезлонг. ШТЕФАН берет его оттуда, выносит на террасу, раскладывает против солнца, бросает в него принесенную с собой книгу./

Утро доброе.

ШТЕФАН. Доброе...

БОГОЮ. Свой шезлонг, стало быть, вы унесли с вечера под крышу...

ШТЕФАН. Именно.

БОГОЮ. А остальные - мокни под открытым небом?

ШТЕФАН /безразлично/. Ленъ-матушка...

БОГОЮ. Матушка?! Да вы пощупайте их! Хоть выжимай, милейший, хоть выжимай. По ночам в здешних местах не роса - потоп. Ленъ ему, видите ли... А распотрошить вон ту штуку /о радиоприемнике/ - не ленъ было.

ШТЕФАН /поглядев с удивлением на Богою, потом - на приемник/. Мне?

БОГОЮ. Нет, мне, ясное дело! Полночи я тем только и занимался, что разбирал-собирал его, чтоб он хоть очнулся с грехом пополам. Молчит. Ящик ящиком. Не желает, и все тут. Нет, право слово, что вы имеете против этого разнесчастливого приемника?!

ШТЕФАН. Подобную клевету, сударь, я пропускаю мимо ушей.

/Пошел было прочь./

БОГОЮ. Клевета? Это, по-вашему, клевета?! Клевета?!

/Уходя, ШРЕФАН остановился перед доской с только что сделанной Богою надписью. Улыбнулся и не спеша, лениво даже - впрочем, все его движения отличает именно такая нескрываемая ленца, - стер губкой написанное, после чего, как ни в чем не бывало, ушел в левую кулису. МАДАМ ВИНТИЛА торопливо сходит по лестнице и направляется к этажерке, на которой, помимо телефона, лежит еще груда газет и писем./

МАДАМ ВИНТИЛА. Пришла?

БОГОЮ. Кто? Агнеш?

МАДАМ ВИНТИЛА. Агнеш! Очень мне нужна ваша Агнеш! Почта. Письма. /Роется в газетах./

БОГОЮ. Когда же ей прийти-то? Восьми еще нет, а автобус - хорошо в девять будет.

МАДАМ ВИНТИЛА. Мне дела нет до этого вашего автобуса, я одно знаю - терпение иссякло! Пятый день ни одного письма в этом вашем распроклятом пансионате!.. И еще этот ваш телефон... /Вертит с остервенением ручку телефона./

БОГОЮ. Не дергайте его, только хуже будет. На этот раз он, видно, и вправду испортился. Испугался до смерти, бедняга, уж очень вы на него налетели.

МАДАМ ВИНТИЛА. А радио чего испугалось?!

/ Входит МАЙОР./

МАЙОР. Здесь она?

БОГОЮ. Кто? Агнеш?

МАЙОР. Какая там еще Агнеш, старина?! Агнеш! Газета!

/Подходит к этажерке, роется в старых газетах./Двадцать восьмое июля, двадцать третье июля, двадцать пятое июля. Все старье! За пять дней ни одной свежей газеты! Еще немно- го, и мы все тут превратимся в полных болванов. Не знать, что происходит в мире... Вдруг война объявлена... или пра- вительство подало в отставку...

БОГОЮ. Эка невидаль! Будто без вас оно уже и в отстав- ку уйти не может?

МАЙОР. Без шуток, уважаемый. Тут не до шуток. Ни те- бе газеты, ни радио...

МАДАМ ВИНТИЛА. Ни писем, ни телефона...

МАЙОР. Впору хоть аукать, как в лесу: "Ау! Люди! От- зовитесь!"

МАДАМ ВИНТИЛА. Черта с два! Никто не услышит, никто не откликнется. Ни души. Край света. Кораблекрушение. Где мы? На каком таком необитаемом острове? Куда нас занесло?!

/На верхней площадке лестницы появилась КОРИНА./

КОРИНА. Мы в трехстах сорока двух километрах от Бухарес- та и в тридцати шести - от Георгиен. Тысяча двести восемь- десят пять метров над уровнем моря. /Спустилась вниз./ С добрым утром. Однако... никто мне не отвечает?... Жаль. У ме- ня была для вас добрая весть, но вы ее не заслужили. Уж очень вы мрачны.

МАЙОР,

МАДАМ ВИНТИЛА,

БОГОЮ

// /одновременно и с нетерпением/. С добрым утром!

КОРИНА. Ну, теперь куда ни шло. Довожу до всеобщего сведения, что вскоре, во всяком случае не далее как нынче утром, заработает наш телефон.

МАЙОР, // /вместе, но с различным
МАДАМ ВИНТИЛА // выражением/. Быть не может!

Неправда!..

БОГОЮ. Вы это серьезно?

КОРИНА. Девятичасовым автобусом приедет техник из Георгиен, с телефонного узла.

МАДАМ ВИНТИЛА. Вам-то откуда известно?

КОРИНА. Я-то его и вызвала. Вчера, после завтрака, когда вы с майором ушли на рыбалку... Хороший ли был клев, майор?

БОГОЮ /доброжелательно/. Зачем же его оскорблять?..

МАЙОР /ему/. Вы-то помолчали бы.

КОРИНА /Майору/. Простите. У меня и в мыслях не было вас обидеть. Короче говоря, пока вы удили рыбу...

БОГОЮ /ей/. Опять вы о рыбе...

МАЙОР /ему/. Вы, кажется, собирались молчать?

БОГОЮ. Могу, только вы вот что мне скажите, положи руку на сердце, - много ли вы наловили за все это время?

/МАЙОР молчит в смущении./

Распрекрасно. Стало быть, ровно столько, сколько мы от вас слышали. И это вы называете рыбалкой, милейший? Ничего особенного я от вас не требую. Акулы мне не надо. Карася, хоть карасью голову, хвостик карасий. Хоть одну чешуйку, милейший, хоть чешуечку. Покажите мне ее, и я вам поклонюсь до земли. Клянусь честью.

МАЙОР /Корине/. Велите ему, сударыня, замолчать. Не дай бог мне выйти из себя...

КОРИНА /взяла его под руку; мягко/. Скажем иначе... в то время, как вы были на... на озере, я и Жеф... Кстати, где

он? Вам не попадался Жеф?.. Неужто дрыхнет еще? Ну и лентяй же этот малый. Ничего удивительного, что у него сплошные перекрестки. Жеф!..

МАДАМ ВИНТИЛА /раздраженно/. Да плюньте вы на этого вашего Жефа! Не беспокойтесь, отыщется. Ходит за вами как тень. Договорите наконец, что с телефоном?!

БОГОЮ /неожиданно/. Кстати, вам не кажется странным...

МАДАМ ВИНТИЛА,

КОРИНА,

МАЙОР.

/// Что именно?!

БОГОЮ. Мадам Винтила, давно ли вы перестали получать письма?

МАДАМ ВИНТИЛА. Последнее пришло... в воскресенье, кажется. Да, в воскресенье.

БОГОЮ /уточняя/. Воскресенье, первое августа. Расчудно. А вы, майор, с какого числа без газеты?

МАЙОР. Поглядим. /Просматривая газеты на этажерке./ Вот последняя. Воскресенье, первое августа.

БОГОЮ. Престлично. /Корине./ Радио когда испортилось? Когда вы его слушали в последний раз?

КОРИНА. Помнится... в субботу вечером.

БОГОЮ. А в воскресенье утром...

МАЙОР. Оно уже молчало!

БОГОЮ. Все правильно. Молчало. А телефон? С какого дня у нас нет связи?.. С воскресенья! Ну?!

МАЙОР. Что - "ну"?..

БОГОЮ. Вам мало этого, милейший? Не улавливаете? Это же слепому ясно!

/Все глядят на него с нетерпением, ожидая раз-

вязки./

Что же такое вдруг приключилось в воскресенье? /Подождав ответа./ Кто же это приехал в пансионат госпожи Вебер именно в воскресенье? /Снова не дождавшись ответа./ Не улавливаете? В таком случае я вам открою: многоуважаемый Штефан Валериу прибыл!

КОРИНА. Вы думаете, что...

БОГОЮ. Не думаю. Уверен. Никуда не денешься.

МАДАМ ВИНТИЛА. А я и не удивляюсь - что до меня, то я терпеть не могу этого вашего...

МАЙОР /Богою/. Короче, что вы знаете?

БОГОЮ. Не знаю. Сердцем чую. Сердце подсказывает - он. Одно-то ясно как день: пока его не было, в пансионате все шло как по маслу. Письма доставлялись, газеты получали, радио работало, телефон звонил. Но стоило ему здесь появиться, как все пошло вверх дном: ни писем, ни газет, телефон молчит как покойник, приемник воды в рот набрал. И сверх всего, если вы обратили внимание, - вот уже два дня как и автобус к нам не заворачивает.

МАЙОР. Обратили внимание! Да я чуть богу душу не отдал, догоняя этот чертов автобус! Глотку надорвал: "Останови! Останови!" Черта с два. И не подумал. Только надал ходу.

/ Вбегает ЖЕФ. Ему лет шестнадцать, с натяжкой - семнадцать. Уже не мальчик, еще не мужчина. На плече у него деревянный столб с прибитой к нему доской, на которой выведено: "Пансионат Вебер"./

ЖЕФ. Доброе утро!

КОРИНА /удивилась/. Где это тебя носит спозаранку.

ЖЕФ?!

ЖЕФ. Я был в дозоре!

КОРИНА. Какой еще дозор? И что это за кол ты притащил?

ЖЕФ. Я все разгадал! Я разгадал, почему автобус больше не заворачивает к пансионату!

МАЙОР. Автобус?

ЖЕФ. Очень просто! Вот уж который день как вывеска пансионата - ну, та, что внизу, на шоссе, - исчезает каждое утро. Часов в восемь или девять, как раз когда должен прийти автобус, исчезает, а как только он пройдет, появляется опять.

МАЙОР. Ну вот, только привидений нам тут не хватало!

ЖЕФ. Никаких привидений! Это человек, которого все вы очень хорошо знаете. Штефан Валериу - вот он кто!

БОГОЮ. А я что вам толковал?!

ЖЕФ. Он! Я вчера еще почувал неладное, позавчера даже, только ничего не сказал, не было доказательств. Два дня уже как я утречком выслеживаю его из окна, когда он уходит в горы. А сегодня я решил поставить точку. Вышел раньше всех из дому - никто еще и не просыпался, даже вы, господин Богою, - и спустился вниз, к мосту. Спрятался там и дождался-таки! Я его видел! Это он, уж можете мне поверить!

МАДАМ ВИНТИЛА. Вот только зачем ему эти штучки?..

ЖЕФ. Откуда мне знать? Может, чтоб автобус не останавливался. Или еще зачем-нибудь. Если на шоссе нет указателя, шофер и не знает, где ему остановиться. Снизу-то пансионат не видать. За соснами-то его не заметишь.

МАЙОР. А почему ты не воткнул указатель на место? Придет автобус - и опять мы в дураках.

/Снизу, от шоссе, слышен приближающийся автобус./

МАДАМ ВИНТИЛА. Господи! Мои письма!.. /Бросилась влево, к дороге./ Эй! Э-эй!..

МАЙОР. Моя газета! Опять я без газеты! Остановите его! Останови!..

/ Слышно, как автобус, посигналив на повороте, проходит мимо. МАДАМ ВИНТИЛА, МАЙОР и ЖЕФ убегают влево, к шоссе./

БОГОЮ. Ну-с, милейшая, удостоверились?

КОРИНА. Ничего не понимаю.

БОГОЮ. Будто я понимаю. Хотя дело и ясное - этот наш Валериу просто мерзавец.

КОРИНА. Не преувеличивайте.

БОГОЮ. Я же еще и преувеличиваю? Хорошо! В таком случае я вас спрашиваю: против меня-то что он имеет? Погодите, сейчас убедитесь... /Не без страха подходит к доске, с которой стерто то, что он написал на ней утром./ Вот! Опять все стер! Я пишу, он стирает. Я пишу, он стирает... /В отчаянии./ Он сведет меня с ума. Сделает из меня психа. /Взял в руки мел и стал восстанавливать надпись на доске./ "Четверг, пятое августа. Атмосферное давление 767 мм. Температура..." /Но мел ломается, и в сердцах он его бросает на пол./ Нет, вы мне скажите, чем это я ему не потрафил? Что я ему сделал? Что я кому сделал? Обидел кого? Мешаю кому?! Почему не оставит меня в покое?!

КОРИНА. Не знаю. Мы с ним и словом не обменялись, да я и не испытываю желаний. Вы правы - мерзкий тип. Но и вы хороши... что за радость писать каждый божий день на доске

который час, откуда дует ветер, сколько градусов?..
БОГОЮ /смутившись/. А вот и радость... такая уж у меня радость. Кому это мешает? Привычка. Поверите, я и в Бухаресте, как приду утром в министерство, первым делом пишу на такой же вот доске: 20 октября, или 5 декабря, или 7 марта. Снегопад, или осадки, или без осадков - это уж как придется.

КОРИНА. Странная привычка...

БОГОЮ. Странная, милейшая, зато - безобидная. Нас семеро в отделе - и никто не в обиде. Пишу себе и пишу. А ему - то что за дело? /Помолчал, доверительно./ И вовсе это никакая не привычка, а, если уж хотите знать, - страсть! /С некоторой торжественностью./ Знаете ли вы, где именно я нахожусь в эту минуту?

КОРИНА /не понимая его/. В пансионате Вебер, естественно.

БОГОЮ /отрицательно покачал головой, затем, убедившись, что вокруг никого нет, понизил заговорщицкий голос/. В Тихом океане. /Настойчиво./ В Тихом или, иначе, Великом. 126 градусов долготы, 0,10 градусов северной широты. В Сингапуре. Вот уже пять дней как пришвартовался и жду. И неизвестно, когда подниму якорь.

КОРИНА /испугавшись/. Надеюсь, господин Богою, это шутка?..

БОГОЮ. Нисколько. Я бороздю... борожду... я путешествую. Путешествую, именно. Вы думаете, это простая доска? Это мой вахтенный журнал. Каждый день, поутру, я вношу в него направление ветра, температуру, давление... я не расстанусь с компасом и, где бы ни находился, ориентируюсь на север. Вы-

то небось и понятия не имеет, где сейчас север? Вот он где!
/ Указывая пальцем вдаль, в сторону ramпы./ Вы его видите?

КОРИНА /долго на него смотрит, приходя в себя/. Чудной вы человек, господин Богою... я и представить себе не могла...

БОГОЮ. Никто не может себе этого представить, милейшая. К счастью, никто. Иначе мне и жизни не было бы. Одно министерство чего стоит... Знаете, ведь там на меня кричат кому не лень... Богою, где палка такая-то? Богою, где дело сякое-то? Богою туда, Богою сюда. Кричат, а я помалкиваю. Им-то и невдомек, что, пока отыщется пропавшая палка, я уж бросил якорь у Азорских островов...

КОРИНА. И часто вы... путешествуете?..

БОГОЮ. Всегда. Прохожу Средиземное море, пересекаю Атлантический, выхожу в Тихий... вот только в Северном Ледовитом пока не довелось побывать.

КОРИНА. Отчего?

БОГОЮ. Ну, не так-то это просто... Льды, метели... да и экипаж у меня не сахар. Но рано или поздно я доберусь и до него. Вот только бы дождаться благоприятной погоды.

КОРИНА. От погоды так много зависит?

БОГОЮ. Вот это мне нравится! Зависит... Да это самое главное! Я никогда не пускаюсь в путь вслепую. Все надо предусмотреть заблаговременно - откуда ждать ветра, откуда грозы, куда движутся звезды... Осадки над Средиземноморьем, или циклон над Тихим океаном. Туманы в Атлантике... штиль в Индийском... Редко когда бури застанут меня врасплох...

КОРИНА /после паузы, неожиданно/. Вы хорошо знаете Средиземное море?

БОГОЮ. Вот те раз! Как свои пять пальцев!

КОРИНА. И где находится Чивитта-Векья - тоже?..

БОГОЮ. Ну и ну! Кому же и знать-то, как не мне? /Рисуя пальцем в воздухе воображаемую карту./ Глядите-ка: вот вам Генуя, здесь; стало быть, Неаполь, а меж ними, вот за этим мысом, как раз и будет Чивитта-Векья.

/КОРИНА внимательно и задумчиво следила за его пальцем./

/Осторожно./ Милейшая... похоже, и вы путешественница...

/КОРИНА кивнула утвердительно головой./

И путешествуете... не одна...

/КОРИНА отрицательно покачала головой./

/Улыбнулся многозначительно./ Не тревожьтесь. В Средиземном море, особенно у берегов, бурь и вовсе не бывает...

КОРИНА. Жаль. Их-то мне и недостает...

БОГОЮ. Вы любите его... а он знай себе плавает по морям... и даже писем не пишет...

КОРИНА. Чепуха! Откуда вы взяли! Лучше бы... /Смешалась, пытается переменить разговор./ Лучше бы пошли и оделись, вон в каком вы виде - почти голый.

БОГОЮ /спохватился/. Ну и ну... вот уж, право слово... /Направился к лестнице, остановился, обернулся./ Вы уж того, милейшая... уж не выдавайте меня... насчет Сингапура... и Тихого океана тоже... уж не проговоритесь... не то они засмеют меня... /Ушел./

/КОРИНА осталась одна, задумавшись. Подошла к шезлонгу Штефана, оперлась на него. Увидела оставленную Штефаном книгу, пролистала ее, улыбаясь все той же зыбкой улыбкой. Села в шезлонг./

МАДАМ ВИНТИЛА /входя; с ужасом/. Нет!..

/Испугавшись, КОРИНА вскочила на ноги./

Бога ради, что вы делаете?! Это же его кресло!

КОРИНА /не понимая/. Чье?

МАДАМ ВИНТИЛА. Штефана Валериу!

КОРИНА. Не убьет же он меня из-за того, что я присела в его шезлонг?

МАДАМ ВИНТИЛА. Убить, может, и не убьет, а вот выкинуть такую же шутку, как вчера со мною... Спросите майора, он-то был при этом. После обеда я попросила Агнеш принести мне кофе сюда, на террасу. Только присела в шезлонг, не обратив внимания, что он принадлежит этому вашему типу, как он подходит и, не моргнув, уставился на меня: "Мадам, это кресло мое". Клянусь вам, именно так и сказал: "мое". Поначалу я и не поняла, чего он от меня хочет. А он, спокойненько так: "Прошу вас встать". Я чуть не умерла от стыда. Чуть не разревелась.

КОРИНА. А майор что же?

МАДАМ ВИНТИЛА. Молчал как истукан.

/В это время вернулись на террасу МАЙОР и ЖЕФ./

КОРИНА /Майору/. Вы отмолчались, господин майор?

МАЙОР. В каком смысле?

КОРИНА. Вчера, когда господин Штефан Валериу согнал мадам Винтила с кресла.

МАЙОР. А что я должен был сделать?

КОРИНА. Чудесно, господин майор, чудесно! Какой же вы мужчина после этого? Какой же вы военный?!

МАЙОР. В отставке, с вашего позволения.

КОРИНА. Что ж... это меняет дело. А ты, Жеф?

ЖЕФ. А меня здесь не было.

КОРИНА. Поздравляю вас, господа. Один в отставке, второго нет, третий и вовсе... в Тихом океане.

МАЙОР. Где? Что вы имеете в виду?

КОРИНА. Ничего. В пансионате вас трое мужчин, и ни одного не нашлось, чтобы защитить женщину. Вы столбенеете, когда появляется господин Штефан Валериу. Он всех вас заставил просто-таки трепетать перед собой. Дай-ка мне листок чистой бумаги, Жеф. Или лучше картона.

ЖЕФ. Что вы собираетесь делать?

КОРИНА. Увидишь... Нет, эта слишком тонка... /Роемся в газетах на этажерке и находим среди них кусок картона./ Подойдет. Карандаш.

/ЖЕФ протягивает ей карандаш./

/Пишет на картоне большими буквами; читает вслух написанное./ "Занято. Окюпа. Окюпадо! Как по-английски "занято"?

ЖЕФ. Рисёвд.

КОРИНА /написала/. Та-ак... А теперь пусть приходит, наглец! /Прикрепляет картон к спинке пезлонга./ Вот так-то! /Садится в кресло, готовая к бою./

/ Входит БОГОЮ. Теперь он одет тщательнейшим образом в темный костюм, словно собрался в свое министерство./

БОГОЮ /с тем же криком ужаса, что и несколькими минутами раньше, мадам Винтила/. Нет!

КОРИНА. Еще один!..

БОГОЮ /бросается к ней, как на помощь утопающему/.

Не шутите с этим, милейшая! Дело нешуточное! Это его кресло!

^И
КОРИНА. Ну что из того?

БОГОЮ. Как это что? Как что? Увидите вы - что, когда он зайвится. Он и госпоже Вебер заявил, что, если обнаружит кого в своем кресле, ни за что не отвечает.

КОРИНА. Ничего. Подождем - увидим.

БОГОЮ /увидел входящего Штефана/. И ждать не надо...

/Входит ШТЕФАН. Увидав его, КОРИНА, в произвольном ужасе, вскочила на ноги. Остальные тоже следят за ним со страхом и смущением. Он вернулся с прогулки в горы. В руке у него букет полевых цветов. Остановился у своего кресла и увидел объявление Корины. Прочитал его с безразличным выражением лица./

ШТЕФАН /Жефу/. Дай-ка сюда карандаш.

/ЖЕФ протянул ему машинально карандаш./

"Оккюпэ" пишется с двумя "к", хоть это надо бы знать. /Исправляет написанное, вешает на место "объявление", возвращает карандаш Жефу, который так же машинально берет его./ Особенно тебе: как-никак ты надеешься получить аттестат. Впрочем, с другой стороны, у тебя переэкзаменовка... /Направился было в гостиную, но заметил те несколько слов, которые Богою успел снова написать на доске. Подошел к ней и стер губкой написанное. Потом ушел в гостиную. Поставил бережно и осторожно цветы в вазу. Поднялся вверх по лестнице и исчез./

БОГОЮ /натужно покашливая в тщетном усилии разрядить обстановку и сменить тему/. Что-то я проголодался. Право слово, проголодался. Агнеш! Агнеш!

/Из глубины сцены входит АГНЕШ с утренним кофе на подносе./

МАДАМ ВИНТИЛА. Куда это ты запропастилась, Агнеш? Целый час не дозовемся.

АГНЕС. Убиралась.

МАЙОР. А мы сиди все утро без кофе. Ты убираешься, а мы помирай с голоду.

АГНЕС. Вскипеть-то ему надо, кофею-то? /Ставит поднос с чашками на столик в гостиной и уходит./

/МАДАМ ВИНТИЛА, МАЙОР и БОГОЮ берут свои чашки, усаживаются кто на диван, кто в кресла. На террасе остались КОРИНА и ЖЕФ./

ЖЕФ /едва удерживая слезы/. Вы слышали, как он мне наговорил?

КОРИНА. Брось, Жеф, чепуха. Иди поешь лучше.

ЖЕФ. Этого я ему не забуду!

КОРИНА. Перестань. Ничего страшного. Пройдет. Поди поешь. /С строгостью старшей сестры./ Жеф, поди и поешь.

/ЖЕФ подчиняется./

БОГОЮ /Жефу/. И поживее, молодежь, вон сколько времени. Не то, глядишь, и не искупаемся сегодня. Провозимся - а уж за полдень, глядишь, перевалит.

МАЙОР. Не видали, куда девалась моя удочка?

/БОГОЮ вышел как бы невзначай на террасу, подошел к доске и снова пишет на ней: "Четверг, 5 августа, температура воздуха"... и т.д./

/Нашел наконец удочку под лестницей./ Вы только поглядите, в каком она виде! Леска и вовсе пропала! Нет лески, хоть ты тресни! Не видали моей лески? Куда она могла подеваться? Как сквозь землю провалилась! Нашел ее - ею был зачем-то обвязан радиоприемник./ Вот она! Как она сюда попала? Кой черт ей здесь нужно?! /Встретился взглядом с Богою./ Это вы небоосы! Вы возились вечером с приемником!

БОГОЮ. Расшумелся! Что с леской, что без - один черт. Все одно ничего у вас не ловится.

КОРИНА /ему/. Не сердитесь, господин майор. Это все я: мне хотелось послушать концерт и я попросила господина Богою поймать Штутгардт.

МАЙОР. Моей леской, уважаемая? Еще полбеды, кабы поймал. А то ведь все зря.

БОГОЮ /ему/. Это мне нравится! Зря. Кому-кому, а вам бы помалкивать. Вы-то за пятнадцать дней вашей так называемой рыбалки ни одного малька не поймали распроклятой этой удочкой, а я вам с первого захода поймай Штутгардт? Ловко!

/На верху лестницы появился ШТЕФАН. Он переоделся - вместо тренировочного костюма на нем теперь белые брюки, белая рубашка с открытым воротом и короткими рукавами, белые теннисные туфли. Он словно и не замечает никого. Прошел на террасу, надел темные очки, взял в руки книгу и уселся в свой шезлонг./

АГНЕС /входит/. Вот ваши купальники.

БОГОЮ /находит свои трусы, отдает Майору его плавки/. Вот ваши. Вот мои. /Корине./ А это ваш купальник.

КОРИНА. Спасибо, я не пойду купаться. Дождусь техника.

ЖЕФ /ей/. И я с вами.

КОРИНА. Я жду звонка. Мне должны позвонить. /Смягчая свой отказ./ Впрочем, если хочешь, будешь развлекать меня в ожидании техника. Согласен?

ЖЕФ /в восторге/. Еще бы!

БОГОЮ. Вольному воля. Смотрите, не пожалейте. Вон какое солнце. Не купание - сказка! Идемте, майор. Берите свою

амуницию и пошли. Вы с нами, мадам Винтила?

МАДАМ ВИНТИЛА. Иду. /Корине и Жефу./ Пока. И ведите себя прилично.

/КОРИНА устроилась на диване, уютно обложившись подушками./

КОРИНА. Поди ко мне, Жеф. Сюда, поближе. Вот так. А теперь поговорим начистоту. Как дела с математикой?

ЖЕФ. Корина, я же просил вас! Я не люблю об этом!

КОРИНА. Отчего так?

ЖЕФ. Оттого, что я хочу, чтоб вы забыли наконец, что я еще школьник. Это унижительно!..

КОРИНА. Жеф, ты знаешь, где находится Чивитта-Векья?

ЖЕФ. Чивитта?.. В первый раз слышу.

КОРИНА. Портовый город. Маленький портовый городок на полпути между Генуей и Неаполем. Ты сумел бы начертить карту Средиземного моря?

ЖЕФ. Раньше бы еще куда ни шло... Теперь-то уж, наверное, все позабыл. Географию Европы мы еще в третьем проходили.

КОРИНА /встала с дивана, взяла его за руку/. А ты попробуй, Жеф. Ты все вспомнишь, вот увидишь. /Подвела его к доске, взяла губку и, увидав написанное заново Богою, улыбнулась./ Бедняжка Богою!.. /Стерла надпись и протянула мел Жефу./ Ну-ка, Жеф, смелее!

ЖЕФ /рисует/. Вот тут, скажем, Пиринейский полуостров, тут Гиоралтарский пролив, тут... забыл как называется...

КОРИНА. Неважно. Рисуй дальше.

ЖЕФ. Тут будет Италия, Генуезский залив, Неаполитанский залив...

КОРИНА. Хватит, Жеф. Довольно. Генуя, должно быть, где-то здесь...

ЖЕФ. Нет. Чуть повыше. Вот тут.

КОРИНА. Генуя тут, значит, чуть ниже, за этим мысом... да, да, он здесь...

ЖЕФ /подозрительно/. Кто?

КОРИНА /не сразу/. Что? Чивитта-Векия.

/Входит ТЕЛЕФОННЫЙ ТЕХНИК с чемоданчиком с инструментами в руке./

ТЕХНИК. Добрый день. Тут, извиняюсь, пансионат Вебер?

КОРИНА. Вы из Георгиен? С телефонного узла?

ТЕХНИК. Он самый, я. Ну и забрались же вы на верхотуру! Я думал, и не доползу.

КОРИНА. Подождите минутку. Одну минутку. /Жефу./ Поди, Жеф. Иди купаться.

ЖЕФ. Зачем?

КОРИНА /сунула ему в руки его плавки/. Иди. Прозеваешь все купание. Будь умницей, иди.

ЖЕФ. А вы придете потом?

КОРИНА. Наверное. Если только не задержусь. Иди. Пока!

/ЖЕФ уходит./

/Вслед ему./ Смотри будь поосторожнее! Не заплывай далеко!..

/Вернулась к Технику./ Вот он, телефон. Надо думать, ничего сложного?

ТЕХНИК. Поглядим. /Достал инструменты, подошел к телефону, разбирает его./

/КОРИНА стоит рядом, следит за его работой./

КОРИНА. Вы приехали на автобусе?

ТЕХНИК. На нем... только не знал, где сойти. Спрашиваю

у одного, у другого - никто и слыхом не слыхал про этот пансионат. /Разобрал телефон./ Вот так чертовщина!

КОРИНА. Что с ним?

ТЕХНИК. Ну и дела!..

КОРИНА. Нельзя починить?

ТЕХНИК. Тут и чинить-то нечего! В два счета. Только ведь кто-то уже в нем копался. Ей-богу, будто нарочно его испортили! /Что-то привинчивает./ Все дела. /Крутит рукоятку телефона./

КОРИНА. Починили?

ТЕХНИК. Вот вызову узел. Ответят - полный порядок.

КОРИНА. Скажите, кстати, телефонистке, что я жду с утра вызова.

ТЕХНИК /в трубку/. Алло! Алло! Узел?.. Алло! Георгиевы!.. Это я. Да пустяки. Исправил. Да, слушай, тут ждут вызова с междугородной... как дадут связь, вызови. /Положил трубку./ Полный порядок.

КОРИНА. И еще, пожалуйста, - правда, я не уверена, разбираетесь ли вы в этом, - может быть, вы посмотрите и радиоприемник, он тоже неисправлен.

ТЕХНИК. Кому ж, кроме меня, и разбираться-то? Зря я, что ли, родом из самого Бухареста?! /Подшел к приемнику, копается в нем./ Да! Хорошо, вспомнил. Начальник почты в Георгиевах спрашивал - что ему с письмами-то делать?

КОРИНА. С какими письмами?

ТЕХНИК. Которые на пансионат адресованы. Кто-то из ваших, мужчина какой-то, приходил, сказал, чтоб он их покуда у себя оставлял.

КОРИНА. У себя?

ТЕХНИК. Письма. А газеты, дескать, отправлять обратно в Бухарест. Мол, не нужны они здесь.

КОРИНА. Мужчина? Приходил, говорите, мужчина?..

ТЕХНИК /разобрав тем временем приемник/. Тут дело похитрее, с ящиком с этим. Работка. Антенна у вас где?

КОРИНА. На крыше.

ТЕХНИК. Мне бы поглядеть.

КОРИНА. Конечно. Пройдите сюда, на кухню. Там девушка, Агнеш, она вам даст лестницу и все что надо.

ТЕХНИК /собрал инструменты/. Сейчас вернусь. /Ушел./

КОРИНА /подшла к Штефану/. Честно говоря, к чему вам все время лезть вон из кожи?

ШТЕФАН /приподнялся на локтях и огляделся вокруг, будто ища, кто это с ним говорит/. Я! Из кожи? Напротив, изо всех сил стараюсь не возбуждать интереса к своей особе.

КОРИНА /резко/. И прекрасно. И не возбуждаете.

ШТЕФАН. Именно. Впрочем, вы не сообщили мне ничего нового. Стоило ли пропускать купание и отрывать меня от книги, чтобы сообщить столь несвежую новость? /Собрался снова читать./

КОРИНА. Вы отвратительны.

ШТЕФАН. Вот это не исключено.

КОРИНА. И смешны.

ШТЕФАН. И это вполне допускаю. Только не запутайтесь - столько всего сразу! Вам следует остановиться на чем-нибудь одном: отвратителен, неинтересен или смешон?

КОРИНА. Все вместе.

ШТЕФАН. В таком случае я сложная штучка.

КОРИНА. Может быть, шутки в сторону?

ШТЕФАН. Разве мы шутили?

КОРИНА. Несомненно.

ШТЕФАН. Отлично. Шутки в сторону. /Снова разлегся в шезлонге, поднял книгу к глазам./

КОРИНА. Послушайте, я стараюсь говорить с вами по-дружески. Насколько этого заслуживает такой самонадеянный тип, как вы. Вам это не идет.

ШТЕФАН. Что - не идет?

КОРИНА. Эта манера, которую вы себе придумали. Хамство, которое вы на себя напускаете. /Почти доверительно./ Вы не хам.

ШТЕФАН. Нет, увы! А ведь это моя мечта! Почти идеал!

КОРИНА. Недостижимый, как, впрочем, и всякий другой идеал. Поверьте. Вы зря теряете время. Вы не хам и никогда хамом не станете. Это ясно с первого взгляда.

ШТЕФАН /обеспокоенно/. Вы это серьезно?

КОРИНА. Более чем. Напрасные усилия. Вы полный неуч в том, что касается хамства.

ШТЕФАН. Неуч?

КОРИНА. Невежда. Я хочу сказать, что вы... /с некоторым презрением/ вполне добропорядочный человек.

ШТЕФАН /с тревогой/. Это заметно?

КОРИНА. Просто бросается в глаза. От меня, во всяком случае, этого не скроешь. Вы что, вообразили, что хамство - истинное, неподдельное хамство - достигается так просто, так легко - раз-раз и все?

ШТЕФАН. Нет, конечно... Но если налицо определенные способности... если приложить некоторые усилия...

КОРИНА. Не поможет. Этому нельзя научиться. Это от бо-

га. Согласитесь: чего вы только не делаете, чтоб выглядеть наглецом! Не отвечаете, когда с вами говорят, первым खा-таете еду со стола, не здоровааетесь, не прощаетесь, пыжтесь изо всех силенок, чтоб вызвать к себе отвращение, что, впро-чем, иногда вам и удается, - но ценой каких усилий, какого труда! Доводите до отчания господина Боску, до белого кале-ния - майора, до бешенства - мадам Винтила...

ШТЕФАН /прерывая ее/. Вывожу из себя вас...

КОРИНА. Нет, меня вы всего-навсего забавляете. Я раз-гадала ваше притворство.

ШТЕФАН /теряя самообладание/. Чего вы, собственно, до-биваетесь?

КОРИНА. Я хочу вам сказать, что вы меня не пугаете. Что я вижу вас насквозь. И что вся ваша игра - детский лепет на лужайке. Вот уже пять дней как вы здесь и изо всех сил стараетесь вызвать всеобщее внимание. Ваша молчаливость! Ва-ше одиночество! Ваш изборожденный думами лоб! Ваше равноду-шие, ваше замечательное, неподражаемое спокойствие! Вы прос-то дитя! Вам захотелось стать "наваждением пансионата Вебер". Ну так вот, я бы солгала, если б не сказала вам честно: ни-чегошеньки у вас не получается. Может быть, вы и наводите ужас на госпожу Вебер, на мадам Винтила, наверняка - на Аг-неш. Но только не на меня. Ну вот нисколечко, е%-богу. Я это говорю вам вовсе не из самолюбия. Как бы вам растолковать? Я вам говорю это скорее по дружбе. Мне кажется, было бы бес-честно наблюдать вас со стороны и смеяться над вами, в то время как вы и не догадываетесь, что за вами наблюдают и сме-ются над вашей игрой. /Не дав ему возразить./ Вот и давайте начнем все сначала. Начнем другую игру... Идет?

ШТЕФАН. Знаете, как бы мне следовало сейчас поступить? Будь я сильной личностью?

КОРИНА. Но вы не сильная личность...

ШТЕФАН. Увы. Мне следовало бы вновь взяться за книгу, развалиться в кресле и поставить вас на место: "Глубокопочти-мая, вы молодчага, вы умница, вы все как есть уразумели, желаю успехов" - и заняться своим делом.

КОРИНА. И тем не менее...

ШТЕФАН. Тем не менее я этого не делаю. /Подшел к ней и схватил за руку./ Таких, как вы, я-то как раз и ненавижу больше всего на свете.

/Она, не ожидая такого поворота, удивилась./
Вы умница-разумница. Вы утомительны. Много говорите, во всем разбираетесь, надо всем иронизируете. Вы навязчивы. А есть ли что-нибудь более омерзительное, чем навязчивость?

КОРИНА. Вы тоже навязчивы.

ШТЕФАН. Нет. Я - ленив. Но вам этого не понять.

КОРИНА. Я способна понять почти все.

ШТЕФАН. Это очень мило с вашей стороны - это ваше "почти". Почти все, но только не это. Ленив; знаете ли вы, что такое лень?

КОРИНА. Полагаю.

ШТЕФАН. Я полагаю - нет. Видите ли, вы были правы, когда заметили, что я добропорядочен. Да. Добропорядочен - одиннадцать месяцев в году. Но есть у меня и мой месяц свободы, и есть ли свобода более полная, чем лень? В году у меня есть мой месяц лени. С первого по тридцать первое августа. И я готов на все, чтобы воспользоваться им до конца. Вы же постоянно суетитесь, болтаете, чините телефоны, бес-

конечно торопитесь, чего-то все ждете... Я полеживаю, посматриваю по сторонам, молчу и ничего не ожидаю. Я уезжаю куда-нибудь подальше от ваших городов и учусь лени у камней, у деревьев. Поглядите на это дерево. Не кажется ли вам, что есть что-то царственное в его покое?

КОРИНА /декламирует/. "Покоя нет, покой нам только снится..."

ШТЕФАН /сочувственно/. Ко всему, вы еще и интеллектуалка!

КОРИНА /с искренним протестом/. Нет! Только не это! Клянусь вам!

ШТЕФАН. Вы напичканы книгами, цитатами, идеями. Вы безнадежны. Не пойму, как вы здесь очутились. Неужто вы не видите, не чувствуете, что слишком умны для этих дремотных краев? /Подожел к ней, опять схватил за руку; строго./ И забудьте эту вашу улыбочку! Забудьте ее! Неужели она вам не осточертела за двадцать пять лет?

КОРИНА. Двадцать два.

ШТЕФАН. Двадцать два, предположим. Этого тоже достаточно. Я тут всего пять дней, и то она мне обрыдла. Сочините себе другую улыбку. А эту выкиньте, забудьте! Впрочем, вы не способны на это. Ни один из вас - ни вы, ни прочие всякие, как их, Богом, что ли? - никто из вас и знать не знает, что такое забвение. Вы просто сойдете с ума, если хоть на секунду забудете, какое нынче число. Вот почему этот старый безумец, не успев продрать глаза, бежит к доске и выводит: пятое августа, шестое августа... Вот почему вы ходите на цыпочках вокруг приемника, только бы узнать точное время. /Почти гневно./ Мне плевать на точное время! Я знать не хочу,

какое число сегодня, какое было вчера, какое будет завтра. Сегодня солнечный день - с меня этого достаточно. Вы говорите; "Давайте начнем новую игру". Но разве вы не видите, что я-то как раз и играю в новую игру, а ваша - старая, скучная, тоскливая?

КОРИНА. И как же называется ваша игра?

ШТЕФАН. У нее много имен, но вы девушка циничная и только посмеетесь над ними. Она называется - игра в каникулы. И еще она называется - игра в забвение. Ее можно было бы также назвать игрой в счастье.

КОРИНА. Вы правы. Это довольно-таки смешное название. Игра в счастье... это сложная игра?

ШТЕФАН. О! Еще бы! Счастье - непростая штука. Ему надо учиться терпеливо, прилежно... Дома, в Бухаресте, у меня нет на это времени. У меня слишком много куда более спешных дел. Не более важных - более спешных. Но уж тут, тут я преисполнен решимости быть счастливым. Любой ценой. Ценой насилия, если нельзя иначе. Хамства, как вы успели заметить. Видите этот шезлонг?.. Перед вами человек, который одиннадцать месяцев в году уступает в трамвае место женщинам. Ну так вот /отважно/ - это кресло я никому не уступлю!

КОРИНА. Какой вы беспощадный!

ШТЕФАН. Не смейтесь. Если во мне и пробуждается изредка почтение перед цивилизацией, то лишь за то, что она произвела такую преисполненную ленивой неги вещь, как это кресло. Животное не могло бы его изобрести. Верьте мне: это было под силу только поэту.

КОРИНА. Вы мне не объяснили, как достигаете счастья.

ШТЕФАН. Тут и объяснять-то нечего. Кресло. Пара белых

штанов. Книга, которую тебе никогда не дочитать до конца... Никаких воспоминаний, никаких сожалений, и бесконечное, необычное равнодушие. Пожалуй, это все.

/КОРИНА, помолчав, глядит на него почти с восхищением и вдруг неожиданно ее разбирает смех./

Чему вы смеетесь?

КОРИНА. Просто я кое-что вспомнила.

ШТЕФАН. Что именно? Имейте в виду, я не задаю вопросов дважды.

КОРИНА. Я вспомнила, как вы вернулись сегодня утром с гор с цветами в руке. Помогите! /Пошла в гостиную, взяла из вазы цветы, вернулась и протянула их ему./ Возьмите! На секундочку, возьмите! /Отдала ему букет и зажала крепче его кулак./ Ах, какая жалость, что вы не можете себя увидеть! Вам и не представить себе, как вы прекрасны!

ШТЕФАН /смутился/. Очень даже представляю...

КОРИНА. Нет, нет! Вы куда прекраснее, чем можете себе представить!

ШТЕФАН. Не понимаю...

КОРИНА. О, чтобы понять, вам надо было увидеть себя со стороны! Неподражаем! С цветами в руке - в вас появляется нечто испуганное, торжественное, театральное. Похоже, что вы не знаете, что с ними делать, куда девать, кому отдать. Как это мило! Вы только что говорили о деревьях, о растениях, о бабочках, и я чуть было не расчувствовалась. Мне даже стало стыдно за свое легкомыслие. Вы были так трогательны! Ни дать ни взять - Пан, бог лесов и дубрав. Пан в белых штанах и теннисных тапочках. Пан в шезлонге. Но этот Пан, это лесное божество, оказывается, не умеет толком держать

цветы в руке.

ШТЕФАН. Ваша взяла. Я смешон?

КОРИНА /с явной симпатией/. Вы смешны.

ШТЕФАН. Знаю. Я не умею держать цветы в руке. Никогда не умел. Иногда - хоть и весьма редко - я посылал цветы одной своей знакомой, впрочем, может быть, даже любимой... Но чтобы самому? Никогда... Я бы умер со стыда. Хотя нет, было разок и такое, в Бухаресте, нынешней весной, в марте... Я шел с работы, торопился... Дело было в полдень. Солнечный день... и эти огромные корзины с желтыми и голубыми цветами... И меня проняло, бог знает отчего, и мне в этот солнечный полдень захотелось нести цветок в руке... /С искренней болью./ Не умею, и все тут! Я живу в мире бумаг, справок, архивов, арифмометров, папок с документами... с чего бы мне и уметь-то?!

КОРИНА /мягко и, вместе, сильно/. Это в нас заложено от рождения.

ШТЕФАН. Значит, я растерял этот дар. Я хотел бы его снова обрести, выучиться ему, взрастить в себе. Вот для чего я всякое утро ухожу в горы и возвращаюсь оттуда с несколькими жалкими цветочками, которые я несу в руке, как последний болван, неумело, неловко... и знаю, что смешон. Ну и пусть смешон, пусть вы смеетесь надо мной, пусть. Со временем я выучусь. Должен выучиться. Я прилежный ученик. И разве не я вам сказал, что это очень непросто - стать счастливым?.. Попробуйте и вы играть в эту игру. Она того стоит.

/П а у з а./

КОРИНА. Кстати, я вспомнила, что собиралась вам сказать одну очень важную вещь.

ШТЕФАН. Разве того, что было сказано, не достаточно?

КОРИНА. Эта - и вправду очень важная. Я жду звонка по телефону.

ШТЕФАН /с несколько нарочитым равнодушием/. И прекрасно.

КОРИНА. Жду звонка, и мне хотелось бы, чтоб телефон был в порядке.

ШТЕФАН. Вы его только что починили.

КОРИНА. Именно. Мне бы не хотелось, чтоб он опять вышел из строя.

ШТЕФАН /с деланным возмущением/. Вы это мне?!

КОРИНА. Напрасно отнекиваетесь. Искренность вам идет больше. Ну, смелее, какого черта. Поговорим как мужчина с женщиной. Вы испортили телефон и приемник. Я вас не упрекаю. Очень может быть, это входит в вашу программу счастья. Я даже не спрашиваю, зачем вы его испортили...

ШТЕФАН /решается на правду/. Он выводил меня из терпения. Мне все мерещилось, что этот провод привязывает меня ко всему, что я оставил там, внизу. Он мешал мне забыть. По нему в любое мгновение могла ворваться сюда жизнь откуда, снизу. Новости, неприятности... К тому же мне просто невозможно было видеть, как вы бродите целый день, не отрывая от него глаз: позвонит, не позвонит?..

КОРИНА. Стало быть, условились. Оставьте телефон в покое.

ШТЕФАН. Кто вам должен звонить?

КОРИНА. Разве любопытство входит в вашу летнюю программу?

ШТЕФАН. Мужчина из Чивитта-Векья?

КОРИНА. Кто?.. Ах! Вы подслушивали! Следовательно, дорогой мой, при всем вашем необъятном равнодушии, вы все-таки успеваете время от времени подглядывать в замочную скважину?

ШТЕФАН /меняя тему/. Стало быть, условились. Я не порчу телефон... но взамен и вы мне окажете одну услугу. Я заметил, что вы имеете некоторое влияние на этого старого остолопа.

КОРИНА. На Богов?

ШТЕФАН. Убедите его, чтоб он не писал с утра до вечера на чем попало свой дурацкий календарь. Он меня раздражает. Рано или поздно это кончится скандалом.

КОРИНА. Что вам до него? В конце концов это вполне невинный порок.

ШТЕФАН. Не такой уж невинный. Это предательство. Я хочу забыть, что нынче пятое августа, а он мне не дает... Он тут как тут, чтоб напомнить мне об этом.

КОРИНА. Какой же вы еще ребенок!.. Хорошо. Я попытаюсь. Но и вы окажете мне услугу.

ШТЕФАН. Так ведь мы уже столковались? Телефон.

КОРИНА. Хватит о телефоне. С ним покончено. /Подошла к радиоприемнику и указала на него рукой./

ШТЕФАН /неумолимо/. Нет. Этого вы от меня не дождетесь. Ни за какие коврижки. Что-что, только не это.

КОРИНА. Не упрямитесь.

ШТЕФАН. Я не упрямлюсь. У меня нет выбора. Еще один шаг, еще компромисс - и каникулы мои поминай как звали. /О приемнике./ Только его еще не хватало. Мало вам здесь и без него шума?

КОРИНА /подошла к нему/. Так неумолимы?

ШТЕФАН. Как скала.

КОРИНА /указала ему на шезлонг/. Сядьте.

ШТЕФАН. Зачем?

КОРИНА. Когда вы стоите во весь рост такой скалой, я боюсь вас. Сядьте, пожалуйста.

/ШТЕФАН лениво садится./

/Села рядом с ним на подлокотник./ Так-то лучше. Сидячая скала не так страшна. С ней можно и потолковать. У нее можно, пожалуй, вымолить разок снисхождения... Двадцать шестого августа будут транслировать вечером из Вены моцартовский концерт. Прекрасный моцартовский концерт. Самый лучший, может быть. Маленькая ночная серенада... Кто вам сказал, что для того, чтобы стать счастливым, надо оглохнуть?! Маленькая ночная серенада... Вы и вообразить не в состоянии, как это удивительно. Если б я умела петь... но я не умею. Просто беда. Там есть одна фраза, я помню ее наизусть... Ладно, так уж и быть, я попробую напеть ее вам. /Наклонилась к нему, но в это время зазвонил телефон./ Телефон! /Бросилась к телефону./

ШТЕФАН /тоже вскочил на ноги, схватил ее, неожиданно для самого себя, за руку/. Мужчина из Чивитта-Векья!..

КОРИНА /шепотом, словно боится быть услышанной тем, кто звонит ей по телефону/. Оставайтесь здесь, И не подслушивайте, прошу вас. Я взываю к вашей... к вашей лени. /Легкими шагами ушла в гостиную, прикрыла за собой обе половины стеклянной двери, и теперь телефонный звонок едва слышен./

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Там же, несколько дней спустя.

Часов пять пополудни. Еще светло, но и сумерки уже не за горами. Из-за кулис слышны четкие и резкие удары: кто-то играет в настольный теннис. Голоса то Корины, то Штефана ведут счет: "6:2, 6:3, 7:3" и т.д.

БОГОЮ и МАЙОР сидят на террасе.

На сей раз они одеты во все белое. Богою, тот и вовсе в шортах.

БОГОЮ /отряхивая с себя глубокую задумчивость/. Какое сегодня все-таки число, милейший? Временами мне кажется, что двадцать первое. Но если поразмыслить, вполне может быть, что и двадцать второе.

МАЙОР. Хорошо хоть не двадцатое...

БОГОЮ. Какое, вы говорите? Двадцатое? Нет, двадцатое едва ли. Хотя... почему бы и не двадцатое?

МАЙОР. Действительно, почему бы и нет?

БОГОЮ. Дайте сообразить. Выходит дело так /считает на пальцах/: сегодня - раз, вчера - два, позавчера - три... Нет, никак не возьму в толк, хоть ты тресни. Окончательно потерял счет. Не то двадцать первое, не то двадцать второе. То ли среда? То ли четверг?

МАЙОР. А то и пятница.

БОГОЮ. А хоть и пятница, спорить не буду... совсем запутались. Голова кругом. /Помолчав./ А может, и правда пятница?

МАЙОР. А?

БОГОЮ /потянул носом/. Нет, пятницей не пахнет...

МАЙОР. Вы их по запаху, что ли, различаете?

БОГОЮ. По запаху. По цвету. По вкусу - среда, к приме-
ру ..

/ Слева, от теннисного стола, влетел на сцену мячик. КОРИНА вбежала за ним, услышала последнюю реплику Богою./

КОРИНА /ему, мимоходом, наклоняясь за шариком/. И вовсе не среда.

БОГОЮ. Так что же тогда?

КОРИНА /подобрав шарик и направляясь к выходу/. Погожий денек, и все тут! /Ушла. Из-за кулис ее голос объявляет счет./ 18-16.

БОГОЮ. "Погожий денек". У него выучилась. Он и ее сбил с панталыку. Всех сбил. Раньше они с ним грызлись не хуже кошки с собакой, а теперь - Штефан такой, Штефан сякой. Мадам Винтила и та ходит за ним как нитка за иголкой. И все за мой счет. Мел забрали. Карандаш конфисковали. Чернила исчезли. Только и остается, что ногтем царапать. Просто спятили все как один! С ними только свяжись! Вырядить старого человека в короткие штанишки... Посудите сами: появись я в этом виде в министерстве - выгнали бы за милую душу.

МАЙОР. Уж непременно.

БОГОЮ. Что?

МАЙОР. Взашей, говорю, выгнали бы.

БОГОЮ. Именно что взашей. Вам-то, правда, и помолчать бы, уж вы-то не лучше моего выражены.

МАЙОР. Чем же это я вам не хорош?

БОГОЮ. Чем? Да разве так должен выглядеть майор, хоть бы даже и отставной? Да на вас же, ни дать ни взять, одно исподнее!

МАЙОР. Приказ!.. Форма одежды - белая! /Кокетливо./ К тому же мне к лицу, позвольте заметить.

/ Входят КОРИНА, ШТЕФАН, МАДАМ ВИНТИЛА./

КОРИНА /входит, смеясь, с ракеткой в руке/. Чемпион! Выиграла у чемпиона! У мастера!

ШТЕФАН /тоже с ракеткой в руке/. У вас прорезался неплохой газ.

МАДАМ ВИНТИЛА /входит за ними; Штефану/. Теперь моя очередь. /Корине, не без ехидства./ Не дадите ли мне вашу ракетку? / Взяла у нее ракетку; Штефану./ Пошли?

ШТЕФАН. С меня хватит. Перекур, устал. Попозже. А пока сыграйте хоть с господином Богою.

БОГОЮ /почти оскорблен/. Я попросил бы!

ШТЕФАН. Или с майором.

МАДАМ ВИНТИЛА /задета/. Прекрасно. А вы будете судить. Пойдемте, господин майор.

МАЙОР /польщен/. Сумею ли я, сударыня...

МАДАМ ВИНТИЛА. Сумеете. С таким-то судьей да не сумеет... /Взяла под руку Майора и тащит его за собой; Штефану./ Пошли!

ШТЕФАН. Право же, устал. Пусть посудит Жеф. /Зовет./ Жеф!

МАДАМ ВИНТИЛА. Да оставьте вы вашего Жефа в покое! Идемте!

ШТЕФАН /идет за ними, не скрывая огорчения/. Если вам так уж позарез...

КОРИНА /которая тем временем перебирала письма на столике в гостиной/. Мадам Винтила! Вам письмо. /Показала ей конверт./

МАДАМ-ВИНТИЛА. Ладно. Не горит... /Выходит вместе с Майором и Штефаном./

БОГОЮ /не сразу; резко/. Госпожа Корина, я требую, чтоб мне вернули мои галстуки.

КОРИНА. Кто же их у вас отобрал?

БОГОЮ. Прикидываетесь, будто и знать не знаете? Разве вы не видите, что я который день хожу с голой шеей? /С искренней обидой./ Мне совестно. Ей-богу, совестно. Отобрали мои прекрасные штаны и дали взамен эти, мальчишковые. Ни слова не сказал. Отобрали рубашку и дали этот тришкин кафтан. Опять промолчал. Но галстук, братцы, галстук! Мне пятьдесят два года, и все пятьдесят два я всегда был при галстуке. Без галстука я задыхаюсь.

КОРИНА /приблизилась к нему/. Господин Богою! Вы мне доверяете?

БОГОЮ. Положим...

КОРИНА. Тогда послушайте меня. /Убрала его руку, которой он прикрывал свою голую шею./ Так вы гораздо красивее.

БОГОЮ /с недоверием/. Ну уж...

КОРИНА. Поверьте! Гораздо красивее, моложе, мужественнее... гораздо больше похожи на моряка. На моряка, да, да. Кто вы в галстуке? Штатская личность, не более. А так вы загадочны, так вы похожи на настоящего морехода. Чего вам еще? Неужто вам больше нравится, чтобы на вас указывали пальцем: глядите-ка, вот господин Богою, делопроизводитель при столоначальнике министерства финансов? Или чтобы все

удивлялись про себя - кто бы мог быть этот незнакомец с вы-
дубленным ветрами лицом? Откуда он взялся? Куда держит путь?!
По каким морям странствовал? Какие океаны пересек? В какие
дали устремлен его взгляд, когда он проходит по террасе пан-
сионата Вебер, словно по палубе корабля?..

БОГОЮ /мечтательно/. Морской...

КОРИНА /подтверждая/... волк.

БОГОЮ. Милая барышня... если вы и вправду меня люби-
те... я хотел сказать - если мы с вами и вправду друзья...
какое число сегодня?

КОРИНА. Вы дурно себя ведете, господин Богою, и, по
правде сказать, не пойму я вас. Сколько лет кряду вы охоти-
тесь за своей мечтой, и вот теперь, когда она - вот она, пе-
ред вами, когда до нее один шаг, один лишь шаг, и она только
и дожидается, чтоб вы протянули руку, - вы поворачиваетесь к
ней спиной. "Где мой галстук? Какое число сегодня?" - вот
что вас волнует. /Потрясла его легонько за плечо./ Очнитесь!
О чем вы мечтали больше всего в жизни? О корабле? Так вот
же он. Он ваш.

БОГОЮ. Где?

КОРИНА. Чем это не корабль? Тсс! Прислушайтесь, вы ни-
чего не слышите?

БОГОЮ /напряженно вслушиваясь/. Как же... сосны шумят.

КОРИНА. Не сосны. Волны. Стоит вам только захотеть...
и это волны. Хотите?

БОГОЮ. Хочу.

КОРИНА. Что же вы не станете за штурвал? Мы на кораб-
ле, и вы - наш капитан. Разве вы не видите? Мы в открытом
море, не знаю в каком. Выберите его нам сами. Не видать бе-

рагов. Ничего впереди нас, ничего позади. Ни одного паруса на горизонте, ни одной мачты, ни пароходных гудков. Тишина. /Переменив тон./ С какой скоростью мы идем, капитан?

БОГОЮ /приняв до конца игру/. Полагаю, узлов двадцать. Точнее не могу сказать. Но можно подняться в рубку, я сверюсь с приборами.

КОРИНА. Пойдемте. Как туда пройти?

БОГОЮ /указывая ей на лестницу и пропуская вперед/. Сюда, прошу вас.

КОРИНА. После вас, капитан! Идите вперед, показывайте дорогу.

/Они поднялись по лестнице и ушли. Вернулся

ШТЕФАН. Подошел к столику с письмами, рассеянно проглядел их, нашел письмо мадам Винтила, прочитал адрес, положил обратно. Вернулся на террасу, сел в шезлонг./

МАДАМ ВИНТИЛА /входит с теннисной ракеткой в руке/. Сбежали все-таки?

ШТЕФАН. Я ведь предупреждал, что не гожусь в судьи.

МАДАМ ВИНТИЛА. На что же вы годитесь, когда речь идет обо мне?

ШТЕФАН. Вам письмо, на столе.

МАДАМ ВИНТИЛА. Да... знаю.

ШТЕФАН. Вы не спешите его прочесть?

МАДАМ ВИНТИЛА. Успеется.

ШТЕФАН. Еще недавно вы чуть не слезами обливались, когда письма запаздывали. А теперь оставляете их дожидаться часами, прежде чем прочитать.

МАДАМ ВИНТИЛА. Было, да прошло. Каникулы! Этому сло-

ВУ всех нас вы-то и научили. /Наклонилась игриво к нему, почти касаясь щекою его щеки./ И вы же и сердитесь на то, что я его выучила так хорошо?

ШТЕФАН /встал с кресла/. Я вынужден вам кое-что сказать.

МАДАМ ВИНТИЛА. Что-нибудь серьезное?

ШТЕФАН. Предупреждаю - это ужасно смешно... Короче /резко/ у меня создалось впечатление, что вы влюбились в меня.

МАДАМ ВИНТИЛА. Я?!

ШТЕФАН. Смешно, верно? Я предупреждал.

МАДАМ ВИНТИЛА. Уверю вас...

ШТЕФАН. ...что это неправда. Знаю. Только этого нам с вами не хватало. И все же, во имя нашей доброй дружбы, во имя мира в пансионате Вебер, позвольте мне вам сказать, что если бы - хоть это совершенно невозможно даже предположить, но если бы это вдруг обернулось правдой...

МАДАМ ВИНТИЛА. Если бы?..

ШТЕФАН. Если бы по недоразумению, из нелепейшего заблуждения вы все-таки влюбились в меня, или решили бы влюбиться, или вам показалось бы, что влюбились...

МАДАМ ВИНТИЛА. Ну же!..

ШТЕФАН. Так вот - я бы вам отказал.

МАДАМ ВИНТИЛА. Но почему же?

ШТЕФАН /просто, но твердо/. Я в отпуске. У меня каникулы. Эта игра мне не по нутру. Здесь во всяком случае. Она слишком сложна. Объяснения, слова с тайным смыслом, улыбочки. Смейтесь надо мной сколько угодно, но поймите, если можете. Это ведь тоже своего рода страсть - не любить. Только

допресе. И понадежнее.

МАДАМ ВИНТИЛА /оскорблена/. Право, и не знаю, что о вас подумать.

ШТЕФАН. Думайте, что я гордец, нахал, невежда, что я зарвался, что я просто идиот, наконец... думайте что угодно, но протяните мне руку.

/МАДАМ ВИНТИЛА, преисполненная достоинства, поворачивается к нему спиной и уходит в гостиную./
/Идя за ней./ Э, нет. Не так. Пожмем друг другу руки, как настоящие спортсмены, и точка.

МАЙОР /входит, запыхавшийся, с налитым кровью лицом/.
Этот младенец разгромил меня в пух и прах.

ЖЕФ /входит за ним следом, тоже возбужденный игрой/.
В пух и прах. Первый счет - 21:5, второй - 21:3. Он просто машет ракеткой, совсем как девчонка.

ШТЕФАН /ему/. А ты и распетушился. Какой проигвник, такова и победа. Нехорошо, Жеф.

ЖЕФ /воинственно и резко/. Сделайте одолжение, не смейте называть меня Жеф.

ШТЕФАН. Кто же ты, если не Жеф?

ЖЕФ. Смотря для кого.

КОРИНА /входя/. Жеф! Это еще что такое?!

ЖЕФ /ей, очень серьезно/. Вас бы я попросил не вмешиваться в мужские дела.

КОРИНА /подходит к нему/. Это еще что такое, Жеф? Что за выражения? И на кого ты похож? Я ведь запретила тебе играть на солнце! Где твой платок?

/ЖЕФ машинально роется в карманах./

Конечно же, опять без платка! /Вынимает из кармана свой пла-

ЖЕФ. Утирает ему пот со лба./

ШТЕФАН /примирительно/. Сыграем партию, Жеф?

ЖЕФ /вадрогнув/. С вами - никогда.

КОРИНА /строго/. Жеф!

ШТЕФАН /мадам Винтиле, которая все еще читает письмо/.
Сыграемте партию?

МАДАМ ВИНТИЛА. Благодарствую. С меня на сегодня довольно и той, которую мы с вами уже разыграли. /Демонстративно уходит./

ШТЕФАН. В таком случае, господин майор, я очень сожалеею, но вынужден прибегнуть к вашему содействию. Пойдемте.

МАЙОР. Опять брэтцы? Я только оттуда!

ШТЕФАН. Тем более. Вам надо тренироваться.

/Огорченный, МАЙОР с усилием поднимается с кресла и уходит с ШТЕФАНОМ к теннисному столу./

КОРИНА /Жефу/. Не смей ходить без платка.

ЖЕФ. Мне уже шестнадцать!..

КОРИНА. Поздравляю.

ЖЕФ. А вы обращаетесь со мной как с маленьким. Конечно, вы можете себе позволить все что угодно, потому что...

КОРИНА. Почему?

ЖЕФ /вдруг взвился/. Только не при нем! Не в его присутствии!

КОРИНА. О ком ты говоришь?

ЖЕФ. Вы очень хорошо знаете, о ком!

КОРИНА. У него нет имени?

ЖЕФ. Я не скажу! /Чуть не плача./ Не могу, не хочу!

КОРИНА. Посмотри мне в глаза.

/ЖЕФ поднял на нее глаза./

/Просто./ Жеф, я люблю одного человека... Он здесь.

ЖЕФ /с отчаянием/. Знаю...

КОРИНА. Тебя. /Целует его в щеку./ Он... Ему до нас и дела нет, Жеф...

/Снизу, со стороны шоссе, входят МУЖЧИНА и ЖЕНЩИНА, навьюченные чемоданами, узлами, сумками./ МУЖ /опустив наземь чемоданы и отдуваясь/. Ух!.. До-ехали-таки до места...

/КОРИНА и ЖЕФ обомлели, увидав приезжих./

КОРИНА. Вам... кого?

МУЖ. Вы небось и есть госпожа Вебер?

КОРИНА. Нет.

МУЖ. А нам ее-то и надо.

КОРИНА. Кого - ее?

МУЖ. Госпожу Вебер.

КОРИНА /все более обеспокоенно/. Что вам от нее нужно?

МУЖ. Комната нужна.

КОРИНА. Какая комната?

ЖЕНА. По объявлению. /Достает из сумки обрывок газет, читает./ "Пансионат Вебер. Станция Георгиены. Прекрасный вид на лес и горы. Полный пансион. Сто восемьдесят лей в сутки. Спросить госпожу Вебер".

МУЖ. Вот они мы. Прибыли.

КОРИНА /растерялась/. Прибыли... /Зовет./ Штефан!..

Штефан!

ШТЕФАН /входя с ракеткой в руке/. В чем дело?

КОРИНА /ему, вполголоса/. Вот эти двое...

ШТЕФАН. Ну?

КОРИНА. Прибыли...

ШТЕФАН. Что значит - прибыли?

КОРИНА. В пансионат.

ШТЕФАН. Исключено. /Подожел к приезжим./ Вам чего на-

М? МУЖ. Да сказано уж - госпожу Вебер.

ШТЕФАН. Здесь нет такой.

МУЖ. То есть как это, дорогой, нету, как это нету? Все правильно: пансионат Вебер...

ШТЕФАН. Это не здесь.

МУЖ. Где же он в таком разе?

ШТЕФАН. Понятия не имею.

ЖЕНА. Послушайте-ка, молодой человек, вы что - смеетесь над нами? Будто мы и сами не знаем, где находимся?

МУЖ. Будто это не мы наняли в Георгиенах машину, потому что автобуса до завтрашнего утра не будет...

ЖЕНА. И не выложили за это три сотни как одну копеечку!

ЖЕНА /выкладывая главный козырь/. Будто на вывеске не написано черным по белому: "Пансионат Вебер"!

ШТЕФАН /жефу, тихо/. Какая еще вывеска?

ЖЕФ /так же, тихо/. Которая над балконом. Я не смог ее отодрать.

ШТЕФАН /приезжим/. Мало ли что написано! Вы что, всегда верите тому, что написано? А если б на этой вывеске значилось "Карловы Вары", стало быть, тут и на самом деле Карловы Вары?

ЖЕНА. Вары не Вары, но мы-то здесь. С места не сдвинусь, пока не пожалует госпожа Вебер. /Села на чемодан./ Дозовись-ка ее, Костаке.

МУЖ /громко зовет/. Госпожа Вебер, прошу вас сюда! Госпожа Вебер!

ШТЕФАН /жефу, вполголоса/. Жеф, бегом, заговори зубы госпоже Вебер. Как бы она и на самом деле не спустилась. В крайнем случае запри ее на ключ.

КОРИНА /жефу, тоже шепотом/. И скажи Богу, чтоб шел скорее.

/ЖЕФ убегает./

МУЖ /зовет/. Госпожа Вебер! Госпожа Вебер!..

КОРИНА /подошла к нему; чрезвычайно дружелюбно/. Успокойтесь, пожалуйста.

ЖЕНА. Не смей успокаиваться, Костаке!

МУЖ /наступательно/. И не подумаю! /Кричит./ Вебер! Вебер! /Поперхнулся и закашлялся./

КОРИНА. Боже мой! Ему плохо! Воды! Воды! /Бросается в гостиную, наливает воды в стакан, возвращается с ним на террасу./ Астма. Он астматик, бедняжка.

ШТЕФАН. Астматик, а туда же - в горы. Верная смерть.

МУЖ /вздрогнул/. Чего?..

ЖЕНА. Костаке! Немедленно встань! Слышишь?

/БОГОЮ поспешно сошел сверху./

КОРИНА /ему/. Капитан, на корабле обнаружены два безбилетных пассажира.

БОГОЮ /покосившись на приезжих/. Эти?

КОРИНА. Они.

БОГОЮ /властно и строго/. Вы - зайцы?

МУЖ /ошарашен/. Какие еще зайцы?

БОГОЮ. Ну те-ка, ваши билеты. Пожалуйста-ка мне их сюда.

МУЖ /изумляясь все больше и больше/. Что еще за биле-

ЖЕНА. А вы сами-то кто такой будете?
БОГОЮ. Сейчас узнаете, кто я такой!

ЖЕНА. А вот и пардон. Никакие мы не зайцы. При мне
они, билеты. Вот они где у меня. /Роется в сумке и находит
два железнодорожных билета./ Пожалуйста!

БОГОЮ /взял билеты и внимательно их проверил/. Не то.
Эти не годятся. Давайте другие.

ЖЕНА. Как то есть не годятся, прости меня господи?!

БОГОЮ. Не годятся, мадам. Это железнодорожные билеты.

ЖЕНА. Ясное дело, какие же вам еще?

БОГОЮ. Пароходные.

МУЖ /выходя из себя/. Послушайте, как вас там, вы что,
окончательно спятили? Что за цирк? Со мной это у вас не прой-
дет. Понятно? Не пройдет! Я человек простой!

ЖЕНА. Костаке!

МУЖ /совсем разбушевался/. Никаких Костаке! Хватит!
Если я уж приехал сюда, так с места не стронусь! А вас я и
знать не хочу. Я не к вам приехал. Я к госпоже Вебер при-
ехал.

/Входят МАЙОР и МАДАМ ВИНТИЛА./

МАЙОР /сталкивается нос к носу с приезжим/. Что с ва-
ми, уважаемый? Какая муха вас укусила?

МУЖ. Вы госпожа Вебер?

МАЙОР. Нет.

МУЖ. Так и не лезьте не в свое дело. /Снова принимает-
ся кричать./ Вебер! Вебер!

/Вернулся ЖЕФ./

ЖЕФ /Штефану/. Я запер ее. Вот ключ.

ШТЕФАН. Давай-ка его сюда. /Приезжим./ Вот так-то. А теперь побеседуем спокойно.

МУЖ /все еще кричит/. Мне с вами разговаривать не о чем! Я вас знать не знаю!

ШТЕФАН. Напрасно. Послушайте меня внимательно. Вы хотели видеть госпожу Вебер? Вы ее не увидите. Ее нет. Была, но вся вышла. Кричите себе на здоровье. Сколько угодно. Не кричите. Видите ключ? От ее комнаты. /Положил ключ в карман./ Надеюсь, мы поняли друг друга. А теперь поговорим начистоту-начистоту, согласны? Чего вы здесь не видали?

/Приезжие не знают, что и подумать./

КОРИНА. Здесь... в этом безлюдье?

ШТЕФАН. Отчего бы вам не съездить лучше в Борсек, попить минеральную воду?

КОРИНА. Или в Совату, послушать духовой оркестр?

МАЙОР. Или в Синаю - поиграть в рулетку?

КОРИНА. Но сюда? Что вы здесь нашли хорошего? Разве что нас.

БОГОЮ. Может, вам не терпится поглядеть /о Майоре/, как он удит рыбу? Плохо ваше дело. Ни одной не поймал, уж положитесь на меня.

МУЖ /с внезапным интересом/. Тут и рыба водится?

БОГОЮ. Может, и водится. Только никто ее пока и в глаза не видал.

МУЖ /Жене, с торжеством/. Ну, мадам? А еще не хотела, чтоб я брал с собой удочку! Тебя послушай...

МАЙОР /оскорблен уже лично/. Взяли все-таки?

МУЖ. А как же, дорогой? Внизу она у меня, в машине.

МАЙОР. Зачем?

МУЖ. Как то есть зачем? Удить.

МАЙОР. Удить - что?

МУЖ. Рыбу.

МАЙОР. Мою рыбу?!

МУЖ /начиная снова возмущаться/. Что значит вашу, до-
рогой? А?! Вы что, оприходовали ее, что ли?!

ШТЕФАН. Вам не хочется отсюда уезжать?

МУЖ. Через мой труп!

ШТЕФАН. Жаль... жаль, потому что, если вы не уедете
сами, мы будем вынуждены вас выпроводить. /Объясняя./ Выста-
вить вон, и чем позже это случится, тем хуже для вас. Гля-
дите, уже вечерет.

КОРИНА. Становится свежо.

ШТЕФАН. В горах ночи вообще очень свежи. И не так уж,
я полагаю, приятно заночевать под открытым небом.

ЖЕНА /испугавшись/. Костаке...

МУЖ. Ни за что! Мы останемся. Еще увидим, чья возьмет.

БОГОЮ. И увидите. Помяните мое слово - увидите. Вы и
вообразить не можете, что вас ожидает. Спросите меня. Пер-
во-наперво, у вас отберут мел.

МУЖ. Какой еще мел?

БОГОЮ. Обыкновенный мелок... Потом вот этот галстучек.
/Щупает его галстук./ Неплохой галстук, ничего не скажешь.
Прекрасный галстук, но его у вас отберут. А за ним и штаны...
/Щупает его штаны./ Замечательные штаны, милейший! Без из-
носу! Английская шерсть. Но их у вас отберут, вот беда.

МАЙОР. А теперь и я вам задам один вопрос...

МУЖ /совершенно обалделый/. Не надо. Хватит, с меня
я так доволен. Мой черед задавать вопросы. Один вопросик.

Один-единственный. /Отглядел всех долгим взглядом./ Вы, часом, не психи?

КОРИНА /после короткой паузы/. Психи. Не то чтобы уж совсем. Но есть немножко. Самую малость. Не окончательно. Извините, что мы с самого начала не ввели вас в курс дела.

МУЖ. Ладно уж... сам догадался.

КОРИНА. У каждого из нас - вон сколько нас здесь набралось! - у каждого свой скромненький вывих. Но все мы вроде одна семья... одна компания, одна игра... игра, которой вам никогда не научиться. Потому что... потому что вы были сюда прямо из Бухареста, а мы... мы, можно сказать, свалились с луны. Вы нас застали врасплох... когда мы увидели вас, мы испугались, что нашей игре конец... что все кончится слишком скоро... но теперь... теперь, когда вы нас поняли, - вы уедете, не так ли? /Берет их обоих под руку и ведет к выходу./

ШТЕФАН. Внизу вас ждет машина. Вы и не заметите, как доедете до города.

/Приезжие, нагруженные поклажей, пятятся спиной, не сводя с остающихся глаз./

Вы ничего не забыли? Ну конечно же! Вы забыли попрощаться.

МУЖ, //
ЖЕНА // /ответили разом/. Всего доброго. /Уходят./

/Оставшиеся поглядели с облегчением друг на друга./

МУЖ /возвращаясь/. Я...

/Все вскакивают в смятении на ноги./

Не бойтесь. Не останусь. Не останусь, хоть плачьте. Хоть озолотите с головы до пят. Один-единственный вопрос. Последний.

От Георгиен на Констанцу есть прямой проезд?

МАЙОР. Есть. Но путь не близкий. Больше суток.

МУЖ. Больше суток... Стало быть, сегодня четверг, двадцать шестое... Если он отходит вечером... /Ушел./

БОГОЮ /словно его осенило/. Что он сказал? Четверг? Слышали? Он сказал - четверг, двадцать шестое! Дайте мне мел! Дайте карандаш! Дайте мне записать! Четверг, двадцать шестое августа... Я это предвидел! Сердце подсказывало! Дадцать шестое августа, двадцать... /Внезапно порыв его иссякает./ Если сегодня двадцать шестое, стало быть, до тридцатого остается три дня... А тридцатого...

МАДАМ ВИНТИЛА. Ну и что будет тридцатого?

БОГОЮ. Что будет... Министерство будет... служба... конец каникул. Наше время вышло... /Вадрогнув, с воинственностью./ Не уеду! Остаюсь! Будь что будет!

МАЙОР. Как быстро бежит время, господа...

/Тем временем смерклось, хоть еще и не совсем темно./

ШТЕФАН. Ну, спасибо вам, господин Богою! Удружили! Какой нынче день! Какое число! Вот вы и узнали, какое число! Полегчало вам? Еще только что был некий день, день без числа, и мы были счастливы. Теперь четверг, да сверх того еще и двадцать шестое августа... и этого довольно, чтоб мы стали несчастливы.

БОГОЮ. Так ведь... кабы я знал... теперь что ж... может, еще удастся забыть?..

ШТЕФАН. Забыть - всего труднее...

БОГОЮ. Попробуем! Глядишь, поужинаем и забудем! Время ужинать, идемте!

МАЙОР /с готовностью/. И то. /Уходит./

МАДАМ ВИНТИЛА. Посвежело. Переоденусь и спущусь к сто-

лу. /Уходит./

ШТЕФАН /Богою/. Вам все равно наверх идти. Возьмите
отоприте госпожу Вебер. Не говорите ей ничего.

БОГОЮ. Еще крик подымет... /Уходит./

КОРИНА /подошла к Штефану/. Какое сегодня число?

ШТЕФАН. Вы шутите?!

КОРИНА. Вам оно ни о чем не говорит?

/Он пожал плечами./

Маленькая ночная серенада...

ШТЕФАН /с неудовольствием/. А-а...

КОРИНА. Никаких "а-а"... Мы заключили договор, и я
требую его выполнения. Согласитесь, с тех пор как починили
радио, я ни разу его не включила. Таковы были условия. /По-
дошла к приемнику, хочет его включить./

ЖЕФ. Оставьте, Корина, я сам. На каких волнах переда-
ча?

КОРИНА. Из Вены.

ЖЕФ /сверясь со шкалой/. На длинных... пятьсот семь...
пятьсот восемь...

/Обычные радишумы, затем - позывные венской
радиостанции./

КОРИНА /сидя в шезлонг/. Хватит, Жеф. Все в порядке.
Позывные Вены. /Поглядела на часы./ Скоро начало. Через
несколько минут. Поди сюда.

/ЖЕФ, однако, остался у приемника./

ШТЕФАН /ему/. На твоём месте я бы послушался. Я где-
то вычитал, что между музыкой и математикой тесная связь. А

... самый выдающийся двоечник по математике из всех,
... я видывал...

/ЖЕФ резко обернулся к нему и убежал, хлопнув
дверью. Тем временем спустился вечер. Слышны
лишь позывные Вены - далекое тиканье часов в
полнейшей тишине./

КОРИНА. За что вы его обидели?

ШТЕФАН. Ни за что.

КОРИНА. Зачем же вы?

ШТЕФАН. Затем, что так уж полагается у нас, у мужчин.
Сурово и жестко. Ему шестнадцать уже. В глубине души он даже
благодарен мне, что я с ним обращаюсь так, словно ему все
двадцать пять.

КОРИНА. Вы с ним слишком жестоки.

ШТЕФАН. Я его люблю. Во-первых... во-первых, потому
что он двоечник. Не смейтесь. Я испытываю родственное чувст-
во ко всем двоечникам на свете. В свое время и я был двоеч-
ником... Впрочем, я им и остался. /Помолчав./ Во-вторых...
я люблю его, потому что он любит вас. Вы и не догадываетесь,
как сильно он вас любит. Вам и не следует догадываться. Это-
то бы он вам ни за что не простил...

КОРИНА. Откуда вы это знаете?

ШТЕФАН /не сразу/. Я с ним уже встречался однажды,
давно. Лет двадцать назад. Он не очень-то изменился. Тот же
взгляд, который говорит больше и прежде слов. Тот же лоб,
который отворяется легко, как окошко, хоть ты и хотел бы
укрыться за ним...

КОРИНА /тихо позвала его/. Штефан!

ШТЕФАН /не услышал ее/. С тех пор он еще несколько раз

мне встречался. Но все реже, все реже... все отдаленнее. К тому времени когда я приехал сюда... я его и вовсе потерял из виду. Он мне казался уже всего лишь далеким воспоминанием, ужасно далеким, полузабытым... Но в одно прекрасное утро мы столкнулись с ним нос к носу на перекрестке, в зеркале. "Где тебя носило все это время?" - "Что ты поддельвал?" Мне нечего было ему ответить.

КОРИНА. Мне он не встречался, но я ждала его. Я убеждала себя: наберись терпения. Он придет. Жди. Может быть, он прячется как раз за этой резкостью, которая так больно тебя ренит, за безразличием... Ты жди его. Он придет. /После паузы./ Штефан!

ШТЕФАН. Да...

КОРИНА. Я озябла... В гостиной, на диване, мой шарф. Синий шарф.

ШТЕФАН. Это приказ?

КОРИНА. Нет. Просьба.

ШТЕФАН. Я это предчувствовал. Всю жизнь мне приходится дорого оплачивать свои воспоминания. Я слишком сентиментален, вот в чем моя беда. /Пошел в гостиную, нашел шарф, принес его Корине./

КОРИНА. Не так, мой милый. Укутайте меня.

ШТЕФАН. Вы злоупотребляете моей сентиментальностью. /Укрывает ее бережно шарфом, возвращается на свое место и вновь садится в кресло./

КОРИНА /после паузы/. Штефан! Вы меня слышите?

ШТЕФАН. Слышу.

КОРИНА. Штефан... я хочу поцеловать тебя.

ШТЕФАН. Это просьба?

КОРИНА. Нет. Приказ.

/Мгновение они остаются неподвижны. Потом почти одновременно встанут, подходят друг к другу и целуются. Он взял ее за руку, повел за собой к лестнице. И пока они поднимаются по ней, музыка, которая до сих пор была едва слышна в тишине, звучит все громче - первые такты моцартовской серенады./

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Конец августа. Свежее, неяркое утро начала осени.

КОРИНА сидит на террасе в шезлонге. ШТЕФАН, с книгой в руке, устроился в гостиной в одном из плетеных кресел.

Судя по тому как они одеты, утро довольно холодное.

Долгая пауза.

КОРИНА. Еще один...

ШТЕФАН. Что ты сказала?

КОРИНА. Еще один слетел. Семнадцатый. Вчера их было всего одиннадцать. Позавчера - пять.

ШТЕФАН. Ты надеешься сосчитать их?

КОРИНА. Я никогда раньше не видала, как облетают листья. /После молчания./ Восемнадцать...

ШТЕФАН. Что?

КОРИНА. Восемнадцать. Восемнадцатый листок за сегодняшнее утро.

ШТЕФАН. Корина!

КОРИНА /отсутствующе/. А?..

ШТЕФАН. Тебе скучно?

КОРИНА /помолчала/. Девятнадцатый.

ШТЕФАН. Запиши, не то объешься со счета.

КОРИНА. Не слишком ли этого много - девятнадцать за одно утро? Скоро осень. Впрочем, может быть, - уже осень. Вон на горе бурое пятно. Вчера оно было бледнее, сегодня ярче... Скоро сентябрь.

ШТЕФАН /захлопнул книгу, встал, подошел к ее шезлонгу/. Что с тобой?

КОРИНА /пожала плечами, не оглядываясь на него/. Не знаю... сентябрь.

ШТЕФАН. Ты очень переменялась, Корина! Тебя ли я увидел тут, на террасе, тому двадцать... и сколько-то дней назад?..

КОРИНА. Я не подсчитывала... Сейчас меня занимают листья.

ШТЕФАН. Ты ли? У тебя была такая легкая, лучезарная улыбка. Куда она девалась? Этаким победный поворот головы. Где он? Любимая моя бедняжка.

КОРИНА. Скажи еще раз.

ШТЕФАН. Что?

КОРИНА. Моя любимая бедняжка.

ШТЕФАН. Тебе понравилось?

КОРИНА. Скорее удивило. Я не предполагала, что могу

оказаться хоть и любимой, но бедняжкой... Я хотела тебя спросить... /Встала и - очень просто, без малейшей нарочитости./ Кто ты, Стефан?

ШТЕФАН. Разве я вам еще не представился?

КОРИНА. Кто ты? Незнакомый мужчина в шезлонге и с некоторым количеством странностей на время каникул? А потом? После?

ШТЕФАН. После?..

КОРИНА. Я знаю, кто ты в августе. А в сентябре?

ШТЕФАН. И в сентябре, Корина, и в октябре, и, как ты удачно выразилась, - после...

КОРИНА. Стефан...

ШТЕФАН. Да?

КОРИНА. Ты собираешься сделать нечто непоправимое... Ты собираешься отвечать.

ШТЕФАН. Ты сама ведь спросила.

КОРИНА. Ни о чем я не спрашивала. И ничего не хочу узнать.

ШТЕФАН. И все же...

КОРИНА. Помолчи, Стефан, помолчи, прошу тебя. Ты умеешь так замечательно молчать... Помолчи и на этот раз. Я ничего не спрашиваю, не настаиваю, не выпытываю...

ШТЕФАН. Что за ребячество, Корина? Возьми себя в руки.

КОРИНА. Оставь меня, оставь, прошу тебя. Я запуталась. Не знаю, что говорю, не знаю, чего хочу. Я тебя ни о чем не спрашиваю. Оставь меня на несколько минут, на одну минуточку!

ШТЕФАН. Так нельзя! Ты должна объяснить!

КОРИНА /сдерживая слезы/. Мне нечего объяснять. Оставь меня, умоляю, оставь!

/Входит БОГОЮ./

Если ты не уйдешь, я пожалуюсь капитану. Капитан! Этот пассажир ведет себя крайне нескромно. Неужели дело дошло до того, что молодой женщине уже нельзя выйти на палубу, чтобы к ней не приставали? Ну и порядки у вас на корабле!

БОГОЮ /подшел к ним/. Это еще что такое, молодой человек?!

ШТЕФАН. Клянусь вам, господин капитан...

БОГОЮ. Отставить. Ведите себя в рамках. Не заставляйте меня вызвать вахтенных. /Подталкивая его в спину./ Идите-ка к себе в каюту и оставьте нас одних.

ШТЕФАН /поглядел пристально на Корину/. Какой же ты еще ребенок, Корина! /Ушел./

БОГОЮ /решил перевести разговор на другое/. Сегодня довольно-таки прохладно... осень на ранних. А майор как раз поплелся в горы... в экскурсию, видите ли... И мадам Винтила с ним. Как бы их там дождик не застал...

КОРИНА /о своем; мягко/. Господин капитан... на вашем корабле кое-что приключилось...

БОГОЮ. Что-нибудь печальное?

КОРИНА. Нет. Но непоправимое.

БОГОЮ. На моем корабле, сударыня, не могло случиться ничего подобного.

КОРИНА. Поверьте, приехав сюда, я была так далека от всего, что произошло потом! Там, дома, у меня была любовь... или что-то в этом роде...

БОГОЮ /почти про себя/. Чивитта-Векья...

КОРИНА. Чивитта-Векья... Я радовалась, что буду здесь одна и все забуду... Все складывалось так просто: вы, майор,

ЖаФ... Помните вечер, когда появились тут безбилетники?
Как раз в тот вечер и...

БОГОЮ. Знаю. Я знаю все, что происходит на моем корабле. Простите меня. Я не любопытен. Это мой долг. Очень может быть, что я знал это даже раньше вас и раньше его.

КОРИНА. То-то и беда, что поначалу все было не очень-то всерьез. Летний роман, не длиннее каникул. Скромненькое летнее приключение. А потом... Не знаю... не могу объяснить. Так убывает день. Так приходит день. Не успеваешь заметить - как, когда. Я думала, это пустячная интрижка, игра... Вы старый морской волк, капитан...

БОГОЮ. Ну, не такой уж старый...

КОРИНА. Вы-то и не такое на своем веку повидали... Никто, кроме капитана, ничего и не заметил, а он только улыбнулся в усы и все забыл.

БОГОЮ. Ему надо непременно забыть?..

КОРИНА. Только что, когда вы вошли, я чуть было не наделала глупостей, непростительных глупостей... Чуть было не сказала одному человеку, который мне встретился однажды утром на палубе вашего корабля, чуть было не призналась, что моя любовь не была игрой и что я не хочу, чтоб она стала только воспоминанием. Чуть было... /Помолчала, потом - изменившимся голосом./ Я бегу с корабля, господин капитан.

БОГОЮ. Как бежите? Куда?

КОРИНА. Уезжаю. В Бухарест, домой.

БОГОЮ. Когда?

КОРИНА. Сегодня. Сию минуту.

БОГОЮ. Быть не может!

КОРИНА. Может. Так лучше. Проще.

БОГОЮ. Я не отпущу вас.

КОРИНА. Поймите, капитан, прошу вас. Поймите и не требуйте объяснений. Хватит и того, что он их потребует.

БОГОЮ. Это глупо, то, что вы собираетесь сделать.

КОРИНА. Нет. Это умно. Может быть, это мой первый разумный поступок с тех пор, как я себя помню. Мне нельзя оставаться. Я не могу. Ну же, капитан, протяните мне руку помощи, подбодрите меня. Мне это так нужно сейчас. Сегодня воскресенье, ярмарка в Сан-Доминике. В обед туда пройдет автобус из Борсека... Я успею. /С неожиданной искренностью./ Помните? Прошное воскресенье в Сан-Доминике... Как сумасшедшие! В купальниках по улице... сумасшедшие!.. Как тарасили на нас глаза тамшние девчонки... Смотрите не потеряйте трубку, которую я вам купила на ярмарке...

/БОГОЮ вынул из кармана трубку./

Я купила ее вам в Сан-Доминике...

БОГОЮ /просительно и тихо/. Оставайтесь, Корина...

КОРИНА /мягко, но решительно покачала головой/. Пойду уложу вещи, вы побудьте здесь... Скажете Жефу... и Штефану... Скажете, что я... уезжаю.

БОГОЮ. Корина! /В безотчетном порыве./ Я еду с вами!

КОРИНА. Нет. Капитан никогда не покидает своего корабля. /Поднимается по лестнице./

ЖЕФ /появился на верхней площадке лестницы с книгой в руке/. С добрым утром, Корина.

КОРИНА /остановилась/. Доброе утро, Жеф.

ЖЕФ /с воодушевлением/. Сегодня воскресенье. Я пришел отчитаться за неделю.

КОРИНА. Да, Жеф...

ЖЕФ /открыв книгу/. По геометрии, с понедельника по воскресенье, - сорок две странички.

КОРИНА. Ты все выучил?

ЖЕФ. Назубок! По алгебре-двенадцать страниц: уравнения второй степени, Я толково потрудился, верно?

КОРИНА. Еще бы! Ты стал на удивление усидчив.

ЖЕФ. Я повторил даже больше, чем вы задали. Поглядите /показывает ей по книге/ вы задали до сих, а я выучил до... /Протянул ей книгу./ Не верите - спрашивайте...

КОРИНА. Верно, Жеф.

ЖЕФ. Значит, после обеда...

КОРИНА /неуверенно/. После обеда...

ЖЕФ. Корина, вы обещали! Мы же договорились! Если за неделю я выучу все, что задано, в воскресенье после обеда мы идем на озеро, только я и вы, одни, вдвоем. Вы же обещали...

КОРИНА. После обеда не получится. Уже не получится... После обеда... меня уже здесь не будет. /Пожала плечами./ Пришло письмо из Бухареста.

ЖЕФ. Какое письмо? Когда? Почты еще не было. Телефон не звонил. Опять вы смеетесь надо мной? Сколько раз я просил вас!..

КОРИНА. Жеф, я много раз над тобой смеялась... Сейчас я не смеюсь. /Ушла вверх по лестнице./

ЖЕФ /долго смотрел неподвижно вслед Корине, потом поглядел вниз, на Богою/. Капитан...

БОГОЮ. Меня, парень, ни о чем не спрашивай. Ничего-то я не знаю, ничего-то не соображаю!

/Вошел ШТЕФАН. Увидав его, ЖЕФ взорвался./

И
, на
я
с-

ой
со
а-
кни-

л./
и
и-

ля-

МЕФ. Из-за тебя! Из-за тебя!.. /Выскочил из гостиной, хлопнув дверью./

ШТЕФАН. Что с ним?

БОГОЮ /нерешительно/. Корина...

ШТЕФАН. Ну?

БОГОЮ. ...собиралась пойти с ним после обеда на озеро... да, видно, уж не пойдет.

ШТЕФАН. Страсти какие! С чего бы это?

БОГОЮ /смешавшись/. Да уж оттого... /Решаясь сказать ему все./ Оттого что... /Так и не решившись./ Мне-то откуда знать, отчего?!

ШТЕФАН. Что она вам тут говорила?

БОГОЮ /неопределенно/. А-а...

ШТЕФАН. Ну?

БОГОЮ /так же/. Э-э...

ШТЕФАН. Не много же из вас вытянешь. А-а... э-э...

Что она говорила?

БОГОЮ /пожал плечами/. Эхе-хе...

ШТЕФАН. А еще что?

БОГОЮ /взорвался/. Да оставьте вы меня, бога ради, в покое! Что вы все ко мне привязались!.. Кто я вам такой! Все-то вам растолкуй, всех-то вас приголубь! А мне кто растолкует! Меня кто приголубит?

ШТЕФАН /подошел к нему; настойчиво и резко/. Что стряслось?

БОГОЮ. Стряслось.

ШТЕФАН. Что?

БОГОЮ /решился все выложить/. Стряслось... То стряслось, что... /Помолчав, закончил вполголоса./ Ничего не стряс-

дось...

ШТЕФАН /отчаявшись что-либо выпытать у него/. Удивительный денек, ничего не скажешь. Встали все, что ли, с левой ноги? Корина, Жеф, теперь еще и вы... будто заразились друг от друга... Пансионат Вебер дышит на ладан. Он идет ко дну, ваш корабль.

БОГОЮ /безнадежно/. Не по моей вине...

ШТЕФАН /подошел к своему шезлонгу, похлопал ладонью по спинке/. Вот к кому пора возвращаться, кажется. С ними спокойнее на душе... у него хоть нет тайн... и нервы не пошаливают.

/КОРИНА спустилась с лестницы. В руке у нее несколько галстуков./

КОРИНА /подошла к Богою/. Ваши галстуки, господин Богою.

БОГОЮ. Теперь-то чего уж...

КОРИНА. Я и забыла о них. Только сейчас обнаружила, как стала укладывать чемодан.

ШТЕФАН. Какой чемодан?

КОРИНА /Богою/. Вы ему не сказали?

БОГОЮ /совершенно растерявшись/. Я...

ШТЕФАН. Что за чемодан, Корина?

БОГОЮ /поняв, что он тут лишний/. Я... дело в том... понимаете... / Ушел./

КОРИНА. Штефан... я уезжаю.

ШТЕФАН. Все мы уезжаем. Сегодня воскресенье, значит, завтра вечером нам выезжать.

КОРИНА. Не завтра. Сейчас.

ШТЕФАН /встревожился/. Что-нибудь случилось?

КОРИНА. Нет, ничего. Просто уезжаю.

ШТЕФАН. Милая Корина, как раз сегодня, видишь ли, я менее всего расположен к шуткам.

КОРИНА. Послушай, Стефан. Ты очень хорошо все понимаешь, стоит только тебе захотеть. Я должна уехать. Сегодня. Сейчас. Я не могу больше оставаться.

ШТЕФАН /взял ее за руки/. Прости. Я чудовище. Чудовище равнодушия. Мне бы самому это понять. Прежде тебя. Ты права, конечно же. Тебе нельзя оставаться. Я все понимаю... Здесь слишком безлюдно, слишком одиноко, слишком тоскливо.

КОРИНА. Не то...

ШТЕФАН. То, именно то! Я ведь все вижу. Я еще утром тебе это сказал. Тебе наскучило. Не спорь, не надо. Ничего зазорного в этом нет. Тебе нужно бродить по улицам, в толпе, слышать трамвайные звонки, останавливаться у витрин. В этом тоже есть своя радость. С каким восторгом ты разглядывала эти нищенские витрины в Сан-Доминике. Как ребенок игрушки в лавке. Мне бы тогда все понять...

КОРИНА. Ты заблуждаешься...

ШТЕФАН. Ни капельки. Да и я рад - слышишь? - я тоже рад, что мы возвращаемся. Едем. Хоть сейчас.

КОРИНА. Не "едем". Еду. Одна.

ШТЕФАН. Одна? Почему одна?

/КОРИНА подошла к столику с телефоном, невзначай оперлась на него./

Понятно! Телефон! /Жестко./ Господин из Чивитта-Векья? Он? Соскучился в одиночестве? Отвечай - соскучился? Вспомнил о тебе?

КОРИНА. Вовсе не он... И никакого господина нету...

что мне до него...

ШТЕФАН. А то, что стоило ему помянуть тебя, - и ты летишь на крыльях. Ему наскучило Средиземное море. Сегодня он в Пирее, завтра в Констанце, во вторник - в Бухаресте. И ты должна быть тут как тут. Ждать на перроне, встречать, целовать - он обожает, чтоб его целовали при встрече.

КОРИНА. Штефан, ты дурак!

ШТЕФАН. Я думал, то, что произошло между нами здесь, глубже и важнее того, что осталось у тебя там, позади. Я дал маху. Дал маху, как последний болван, как пригостишка, как же лторотый кнец. Достаточно было ему тебя помянуть - и ты бежишь и все бросаешь, словно то, что было у нас с тобой, - всего-навсего шутка, игра.

КОРИНА /с усилием/. Это и была игра. Игра в каникулы. Ты уж и запомнил? Сам меня научил, и сам же нарушаешь правила игры? Что за страсть учить других играм, чтобы тут же самому проиграть? /Пытаясь улыбнуться./ Так было и с теннисом, помнишь? Ты вложил мне в руки ракетку, и не прошло и трех дней, как стал проигрывать...

ШТЕФАН. Ты не вправе так просто уехать. Корина. Я хочу знать...

КОРИНА. Как ты сказал? Знать? /Целует его./ Ты знаешь вот это. /Снова целует./ И это. И еще много чего. Ты знаешь все.

ШТЕФАН. Ничего я не знаю.

КОРИНА. Вот именно. Знаешь все и не знаешь ничего. Нельзя знать больше, чем все, и меньше, чем ничего. Чего тебе еще?

ШТЕФАН /настойчиво/. Я хочу знать, отчего ты уезжа-

ешь.

КОРИНА. Оттого, что так надо. Оттого, что всему приходит конец. Оттого, что я возвращаюсь.

ШТЕФАН. Куда? К кому?

КОРИНА. Вниз. К жизни. К обыкновенной, простой, непродуманной. Я бегу не от тебя, Стефан. Я бегу от твоей игры. От нашей игры. Там, внизу, — простая, будничная жизнь. Но она — настоящая. Там — люди; они радуются, печалятся, трудятся, любят, плачут, ошибаются, отчаиваются, верят. И я одна из них. И ты тоже, Стефан. Все мы — я, ты, Богою, Жеф, майор... Нельзя уйти, убежать, спрятаться в сказку. Я не могу так. Не в состоянии. Твоя игра — игра в бегство. Я не хочу быть трусихой, Стефан. И чтобы ты был трусом — тоже не хочу. Я слишком тебя люблю и не хочу, чтобы там, внизу, эта наша зыбкая, хрупкая любовь осыпалась, как эти листья. Я хотела бы, чтобы мы нашли друг друга там, в настоящей, всамделишной жизни, где твои белые штаны — твои замечательные белые штаны, в которых ты похож на принца Уэльского, — просто продаются в магазине, а моя новая шляпка — это всего лишь моя старенькая шляпка, которую я ловко подделала под увиденную в кино модель... Нашли друг друга и никогда не расставались... Там, а не здесь, в горах, которые рано или поздно покроются снегом, среди леса, который скоро осыплется и оголится, среди тишины, которая так обманчива. Я не хочу ничего ненастоящего, ничего, во что я не могу поверить до конца. Я боюсь, что там, внизу, в первый же день, в первый же миг мы вдруг увидим и поймем, что все, что было у нас здесь, — всего лишь игра, игра в каникулы, в забвенье, в счастье, в любовь, в бегство — как ни назови, это наив-

ь.

. И

ь, на

им я

юс-

бой

его

Са-

кни-

ей./

я и

чи-

гля-

а -

няя, бессильная игра! И нам будет стыдно признаться себе в этом и не хватит сил расстаться, и мы будем долго еще обманывать себя и продолжать эту грустную игру... Вот почему я уезжаю, Стефан.

ШТЕФАН. Но если там...

КОРИНА. ...мы найдем друг друга?..

ШТЕФАН. Я найду тебя.

КОРИНА. Я буду тебя тоже искать... и ждать... как ждала до сих пор. Надо только набраться терпения. И верить. И ничего не бояться. Всего-навсего. И жить, жить как все, среди всех. Жить, радоваться, грустить, работать и уставать к вечеру, и просыпаться на заре. Жить долго, просто и счастливо. И любить тебя тоже долго и счастливо. Разве это так много?..

/П а у з а. Потом она ушла вверх по лестнице, а он не сводил с нее глаз, пока она не исчезла. Входит ЖЕФ. Преодолев нерешительность, подходит к Стефану./

ЖЕФ. Вы отпустите ее? Не отпускайте. Вы один можете ее остановить... если захотите... Или... или вы не любите ее!

ШТЕФАН /не сразу/. Так сильно, как ты ее любишь, - нет. Никто не любит ее так, как ты.

ЖЕФ. Не отпускайте ее. Я знаю, я вел себя с вами не очень-то... но я все равно не жалею и не прошу прощения. Только если вы хотите мне отомстить - мстите как-нибудь иначе.

ШТЕФАН. Ты вел себя как надо, Жеф. Как мужчина. Как товарищ по оружию. Мы с тобой товарищи по оружию, Жеф. Не

Будь ты так молод, я бы сказал "два старых товарища". Потому что я знаю тебя бог весть как давно.

ЖЕФ. Я вас - нет.

ШТЕФАН. Еще - нет. /Подшел к нему./ Жеф, боюсь, тут уж ничего не поделать. Она уходит от нас... Теперь мы остались одни, и пора нам заключить мир.

ЖЕФ. Никогда!

ШТЕФАН. Не надо громких слов. Подумай - скоро вечер, и ее здесь больше нет. И нам обоим - тебе и мне - не минувать говорить о ней. Вечера такие длинные, старик, а этот будет и вовсе без края. И чтобы развлечься, мы с тобой будем решать уравнения третьей степени... в ее честь.

ЖЕФ. Вас-то она хоть любила...

ШТЕФАН /помолчал/. Когда-то я неплохо разделялся с уравнениями третьей степени. Стоит чуток приналечь, и все припомню. Их по-прежнему проходят в шестом?

ЖЕФ. Нет, в пятом. В шестом теперь проходят тригонометрию.

ШТЕФАН. Дай срок, может, я и ее вспомню. Квадрат косинуса икс...

ЖЕФ /поговаривая формулу/. ...плюс квадрат синуса икс равен единице.

ШТЕФАН. Удивительное дело, Жеф! Двадцать лет утекло, а квадрат косинуса икс плюс квадрат синуса икс все еще равен единице. Ничего не изменилось... Таблица логарифмов так и стоит у меня перед глазами. Из-за нее-то я и схватил перекладинку на осень.

ЖЕФ. Вы тоже - двоечник?

ШТЕФАН. А как же! В шестом классе.

ЖЕФ. Что же вы мне раньше-то не сказали! Я-то думал, вы надеваетесь надо мной.

ШТЕФАН. Никогда. Вот видишь, как много у нас общего: Корина, тригонометрия, таблица логарифмов, переэкзаменовки... Ничего за эти двадцать лет не изменилось. Все осталось как было. И мы с тобой просто-напросто два одноклассника...

БОГОЮ /войдя, смотрит то на одного, то на другого/.
Стало быть, все-таки уезжает... /Штефану./ И вы отпускаете ее?... /Обсим./ Вы оба... Вам-то что в конце концов... Найдете другую. Молодые. А я? Обо мне вы и не подумали?

ЖЕФ /ему, тихо/. И вы? Вы тоже?!

БОГОЮ. Где уж мне! Одни вы имеете право... А я... У меня уж и сердца нету... /Сел на стул./

/Пока он будет говорить, ШТЕФАН и ЖЕФ тоже усядутся по обе стороны от него./

Вот уж не думал, что со мной такое приключится, да еще когда, на старости лет... Уж до того, до того уж она похожа на девушку, которую я всего-то один разок и видел, да и то давненько. У той тоже были светлые волосы. Влюбился, да так и не сказал ей ни словечка. Не до того мне было, в ту пору я как раз уходил в первое свое странствие... на Мадагаскар. Далековато. Ничего, говорил я себе, вот вернусь и все ей выложу. Вернулся, кинулся к ней, а ее и след простыл - вышла замуж. С тех самых пор я так ни в кого уже не влюблялся. Все в пути, все по морям, понимаете, по волнам... Видать, так уж мне на роду написано... А вот приехал сюда, увидел ее, и сердце екнуло. Будто опять ту встретил, давешнюю. Так и вертелось на языке: вот он я, вернулся. Только ничего я, понятное дело, не сказал, мне-то лучше всех известно - прошло

мое времечко. И все же счастлив был, что здесь она, рядом, что могу глядеть на нее, что она станет меня слушать, коли прищипит поболтать...

ШТЕФАН. Мы тоже.

БОГОЮ. Вы-то... вас-то я, скажем прямо, как увидал, так вроде кто мне нож к самому сердцу приставил. Сразу смекнул - уведете вы ее у нас. И увели-таки... Ладно, ладно, чего уж теперь. Я и с этим свыкся. И даже - верь, не верь - даже рад был некоторым образом. Гляжу на вас, а себя уговариваю - я это, разве что на двадцать годков помоложе... И как мы только без нее жить будем, ума не приложу...

/КОРИНА появляется наверху лестницы, с чемоданом в руке. Остановилась, глядя сверху на них, не заметивших ее появления./

И никто-то теперь уж не скажет мне: "С добрым утром, капитан! Сколько узлов в час мы делаем?"

ЖЕФ. Некому будет мне отмечать в учебнике - откуда досюда...

БОГОЮ /задумчиво/. А что, если нам ее запереть...

ШТЕФАН. ...как госпожу Вебер...

БОГОЮ. Да! Как госпожу Вебер! На ключ! Я уж не раз подумывал об этом. Ни одна душа не догадается!

ШТЕФАН. Никто!

ЖЕФ. Комар носу не подточит!

БОГОЮ. Заведем хозяйство. Несушек, коровку...

ЖЕФ. А по воскресеньям, пораньше, будем ездить все вместе за покупками на ярмарку в Сан-Доминик.

БОГОЮ. Нас трое да она.

ШТЕФАН. А настанет зима...

ЖЕФ. ...и повалит снег...

БОГОЮ. ...и занесет дороги...

ШТЕФАН. ...вечерами...

КОРИНА /спустилась вниз, подошла к ним, остановилась позади их кресел, поставила чемодан на пол и вмешалась в их разговор так мягко и незаметно, что они и не удивились, даже не обернули к ней головы/. ...вечерами... я буду ждать вас с зажженной лампой в окне, чтоб вам видно было ее далеко из леса. В доме тепло, чай уже вскипел, и пахнет только что выпеченным хлебом. Добрый вечер, капитан, добрый вечер, Жеф, добрый вечер, Штефан. Отряхните хорошенько снег, чтоб не наследить на половиках, и прикройте плотнее дверь, не то надует со двора. Я давно уж вас жду! Было ли мне скучно одной? Нет. Я думала о вас. Сидела у жаркой печки, вязала и думала о вас. Примерьте варежки, капитан, хороши ли вам. А этот шарф тебе, Штефан. А свитер тебе, Жеф. Денек был не легкий, зато вечером так нам всем покойно: когда мы собираемся вместе у огня. Капитан играет с Жефом в шахматы. Штефан читает, а я смотрю на вас и слышу, о чем вы молчите. По временам доносится издалека гудок поезда - не из Георгиен ли? Или из Сан-Доминика? Мы все поднимают головы и прислушиваемся. И снова возвращаемся к шахматам, к недочитанной книге, к нашему молчанию, которому нет ни начала, ни конца. Проходит зима, весна, лето, осень и годы проходят, а мы все такие же, и все нас четверо в нашем тихом доме, словно на корабле, который никогда нигде не причалит...

/Долгое молчание./

А теперь... я уйду. И пожалуйста, не надо этих печальных, хмурых лиц. Не заставляйте меня плакать. Когда я плачу, ■

Р-
нъ.
т. И
сь, на
ким я
пос-

обой
его
Са-
у кни-

ней./
я и
очи-
..
згля-

а -

делаюсь некрасивой. Разве вы хотите, чтоб я была некрасивой /пытаюсь шутить/... в час нашего расставания?

ШТЕФАН. Дай мне чемодан, Корина.

КОРИНА. Нет. Чемодан по праву принадлежит Жефу. Он принес его сюда в день моего приезда. Он и снесет его вниз. Верно, Жеф?

/ЖЕФ подошел к ней, взял чемодан./

/Взяла его под руку./ Обещай мне, что ты одолеешь уравнения третьей степени. Что сдашь перекрестную и перейдешь в седьмой класс. Если сдашь ее, мы пойдем с тобой в кино. Вдвоем. Ты и я. И ты заплатишь за билеты. Идет?

ЖЕФ. Идет.

КОРИНА /подошла к Богою/. Я хочу попросить вас об одной вещи... хоть ее и очень трудно, почти невозможно исполнить. Я знаю, женщин не берут на борт корабля. И все же... я прошу вас брать меня во все ваши странствия. Куда бы вы ни держали путь. И даже в Северный Ледовитый океан. На край света. /Подошла к Штефану, оглянулась смущенно на Богою и Жефа./ А теперь...

БОГОЮ. Я... Я пойду вперед... вниз, к шоссе...

ЖЕФ. ...и я. Вдруг машина пройдет... не прозевать бы...

/БОГОЮ и ЖЕФ уходят незаметно, неслышно./

КОРИНА /поцеловала его/. Ты так далек... так холоден...

ШТЕФАН. Я тебя не узнаю, Корина... в этом платье, в туфлях, в этой шляпе... Не узнаю. Словно ты девушка, которую я случайно встретил на улице, в толпе... девушка, которой я обернулся вслед...

КОРИНА. ...и тут же забыл...

ШТЕФАН. ...это она ушла и не захотела остановиться...

КОРИНА. ...побоялась остановиться...

ШТЕФАН. Я тебя отыщу.

КОРИНА. И я тебя буду искать, мой любимый... Я вернусь к тебе, Стефан. Я буду возвращаться к тебе всю жизнь. Тебе достаточно будет закрыть глаза, а я уже тут как тут. И для меня ты тоже навсегда останешься все таким же - здесь, на террасе, в шезлонге, с книгой в руке, все такой же, каким я тебя увидела в первый раз... Стефан! Еще одна просьба, последняя. Последнее мое ребячество...

ШТЕФАН. Говори.

КОРИНА. Не провожай меня. Я хочу попрощаться с тобой здесь. Вот твоя книга. Твои очки от солнца. /Подошла к его шезлонгу, погладила ладонью спинку, как это делал он./ Сядь! Как тогда! Как в первое утро. Читай. /Открыла ему книгу./

/Он сел в кресло, взял книгу, обернулся к ней./
Обещай мне, что ты не обернешься. Не надо. Может быть, я и была-то всего-навсего девушка из книги, которую ты недочитал... Может быть, и все-то было только шуткой, игрою... чудом... /Уходит легкой поступью, не отрывая от него взгляда./

/И так же мягко и неслышно опустился з а н а -
в е с./

К О Н Е Ц

Выпуск. редактор Т. Казакова
Тираж 120. Заказ 235. 9/УП-1971 г.
Ротатор Отдела распространения.